

Аромат грехов твоих

Автор:

Адам Соул

Аромат грехов твоих

Диана Соул

Адам Хард

Днем скромная вдова, а ночью разящая фурия! Каждый раз после заката мое обоняние становилось другим, я чувствовала запахи... запахи мужских грехов. Каждый из них имел свой вкус. Ваниль, апельсин, корица, терпкое вино. Их было великое множество. Я могла зайти в самое злачное место, например, такое, как постоянный двор мистера Орфа и почувствовать себя в кондитерской лавке. Негодяи и разбойники, убийцы и воры ощущались мне изысканными блюдами, под соусом собственных грехов. И мне было ни капли не жаль, что после моих трапез они не выживали. Поделом! Через смерть, я несла мщение за их злодеяния. Я баронесса Розалинда Клайвшот, и я – убийца.

Диана Соул, Адам Хард

Аромат грехов твоих

Грех сотворен человеком, но вкус у него божественный.

М. Уэст

Я отошла от окна и еще раз окинула взглядом обнаженного мужчину, привязанного к кровати. Дешевый постоянный двор, в котором он снял для нас комнату, был одним из любимейших мною мест. Мелкие торговцы, карточные

шулеры, воры и прочие проходимцы были завсегдатаями этого заведения. И я любила людей такого сорта... своей особой любовью, которой сейчас и планировала поделиться с одним из них.

Меня мало интересовало его имя, но еще в пабе на первом этаже я услышала, как его приятель называл красавчика Себастьяном. Завидев меня, поднимающуюся по лестнице, он сказал, что “как следует накажет похотливую сучку”, однако у меня были свои планы на эту ночь. И хотя его приятель ржал, как конь, и обещал присоединиться, когда его дружок хорошенько меня объездит, Себастьян с собой его не взял. Наверное, не захотел делиться моим телом.

Но это даже хорошо, я люблю растягивать наслаждение от своих блюд. Его приятель станет приятной вишенкой на моем завтрашнем десерте и на своей шкуре узнает, как я умею объезжать подобных ему жеребцов.

Толстые ремешки опутывали запястья Себастьяна, не давая возможности высвободить крепкие руки.

– Мне не понравилось, как ты отзывался обо мне в пабе. Ты повел себя не как джентльмен, не защитил даму от сквернословия и за это будешь наказан. Я люблю, когда мои приказы беспрекословно выполняются. Тебе все понятно?

– Да, – прошептал он, за что тут же получил плеткой по оголенному торсу.

– Я же приказала тебе молчать. Ни единого слова.

Подойдя к его ногам и прикоснувшись к ним плетью, я начала медленно подниматься вверх по телу, чувствительно шлепая по разведенным бедрам, яичкам, напряженному прессу и груди. От ударов на теле оставались легкие красные полосы, а сам Себастьян выгибался от наслаждения. Наблюдать за этим было одно удовольствие. Я достала из кармана тонкую кожаную веревку и перевязала его весьма внушительное достоинство, уже успевшее предстать передо мной во всем своем великолепии.

– Я не люблю, когда плохие мальчики останавливаются раньше, чем нужно мне. Поэтому твой дружок будет на моем поводке.

Он приоткрыл губы и собирался что-то сказать, еще раз послушавшись меня, но в ответ получил звонкую оплеуху.

Я приложила к его рту свою кожаную игрушку, присаживаясь рядом с мужчиной на кровати. Себастьян закусил рукоятку плети, начав походить на запряженного жеребца. Взяв одну из множества расставленных по комнате свечей, я капала воском на его тело, готовя к предстоящей боли, такой, какой он еще никогда не испытывал. Цена моих желаний была слишком велика для моих визави, но что поделать? Прежде, чем соглашаться на игру, нужно знать ее правила!

От каждого прикосновения воска он вздрагивал и издавал чуть слышные стоны. В награду за молчание я покрывала его тело поцелуями, по одному за каждую каплю обжигающего удовольствия.

– Я знала, что тебе это понравится. Прежние леди были с тобой излишне милы и позволяли делать с ними все, что захочешь ты, не правда ли? А я привыкла удовлетворять собственные желания. Особенно ночью. Итак, ты готов стать моим, отдаться мне без остатка?

Себастьян едва заметно кивнул, вновь откинув голову на уже влажную подушку.

– А за грехи свои заплатить готов?

Он вновь подарил мне короткий кивок.

Хотя спрашивать у него разрешение было излишне. Этой ночью я и так заберу свое.

Вкус его грехов уже манил меня – сладкий, порочный, пьянящий, как густое красное вино, расплывающийся по комнате искрящейся дымкой, из нас двоих видимой лишь мне.

Я разделась, оставшись лишь в одном корсете. Подошла к своей жертве ближе. Развратно оседлала, так что его напряженный член возвышался стройной башней у меня между ног. Обхватила ствол рукой и без жалости впилась в чуткую плоть ногтями. Себастьян гулко застонал, сжимая рукоятку плети зубами. Только эта боль – ничто по сравнению с той, которую он причинял своим

несчастливым любовницам. Сегодня я готова отомстить ему за всех жертв, павших во славу его утехам и похоти. Сегодня он – моя игрушка...

В одно мгновение его зрачки расширились и наполнились яростным экстазом, мне даже показалось, что он готов закричать. Но я предусмотрительно нажала на ручку плети во рту Себастьяна, лишая возможности выполнить задуманное. Он закусил ее зубами еще сильнее, напоминая пса, пытающегося добраться до желанной добычи.

На миг остановившись, я услышала, как за стеной кричит девушка. Сначала я подумала, что продажная особа развлекается с одним из посетителей постоянного двора, но после раздавшегося удара поняла – ее попросту избивают.

Потерпи, бедняжка, я и тебя спасу, только мне нужны силы. А им настоятельно требовалась подпитка.

Себастьян же оказался настолько сильным источником, что его жизнь утолила бы мой голод на весьма продолжительное время. Прервать контакт со своей жертвой – значит потерять начало того клубка чувств, который я так бережно раскручивала.

Ускорив темп, я впиалась ногтями в живот Себастьяна, оставляя на коже красные полосы ран. Эмоции переполняли мою сущность. Они рвались наружу, желая довести мужчину до сумасшествия, подчинить его волю и отравить пока еще принадлежавший ему разум.

С каждым новым движением я чувствовала, как его жизненная сила перетекает в меня, подпитывая тело опьяняющей энергией, растекающейся по телу. Я насаживалась на его огромный член и изнывала от восхищения и желания испытать Себастьяна до последней капли. Хотелось рычать от удовольствия, настолько сладок был вкус его жизни, его греховности, стремлений причинять боль даже в сексе. И если бы не связанные руки, обхватившие сейчас ремни, мне бы пришлось несладко. Я так и читала в глазах Себастьяна, как ему не нравится быть снизу, как ему не терпится оказаться сверху и войти в меня с безудержной яростью и желанием. Причинить мне как можно больше боли, оставить след от ножа на тонкой шее, отрезать прядь волос и вдохнуть ее запах, а потом заставить меня их съесть, давясь, как кошка – собственной шерстью.

Вот только мой разум оказался хитрее его похоти. Эта игра от начала и до конца должна идти по моим правилам.

Оргазм накрыл меня яркой вспышкой буйствующего цунами, захлестывая волнами последних капель жизни, которые я забирала у Себастьяна. Он не понимал, что с ним происходит, вяло трепыхался подо мною и смиренно затихал без сил, проваливаясь в сон.

Я оставила ему пару часов жизни, как раз до рассвета.

Слезая со своей жертвы, я еще немного полюбовалась на деяние рук своих.

Но потом, собрав вещи, быстро оделась и развязала ремни на его руках. Себастьян сложил ладошки и положил их под голову. Не иначе, видит во сне, как хорошенькая служанка, виляя бедрами, подносит ему огромную порцию вкуснейшего пива.

Спи, малыш, наслаждайся своим последним сном!

За стеной вновь раздались крики. Несчастливая просила о пощаде.

Боясь, что не успею, я быстро подхватила свою сумку и выскользнула из номера. Коридор был пуст, без малейших сомнений я подошла к соседней двери и деликатно постучала. Оттуда уже не доносились девичьи стоны, и на мгновение я испугалась, что опоздала.

Дверь рывком открылась передо мной, за ней стоял огромный бугай, казалось, втрое больше меня.

– О, еще одна сучка! – пьяно отрыгнул он пивом, вызвав во мне волну омерзения. – Решила присоединиться к веселью?

За его спиной на полу валялась, лишившись чувств, девочка лет пятнадцати. На ее обнаженном теле уже начали проступать синяки.

– Мраз-зь, – прорычала я. – Она же еще ребенок!

В такие моменты я плохо контролировала себя.

Что-то в моих глазах отпугнуло амбала, он отступил на шаг, но ровно на этот же шаг я приблизилась к нему.

– Имею право. Она моя жена, – словно оправдывался он, но я не желала слушать.

– Значит, станет вдовой. Думаю, так ей будет лучше! – прошипела я в ответ.

Еще один шаг – и мои руки легли ему на шею, чтобы большими пальцами вдавить кадык в горло, ломая шейные кости, хрящи, разрезая их осколками артерии.

Как хорошо, что после Себастьяна я сытая и очень сильная. Жаль, правда, что приходится растрачивать ценную энергию так быстро.

Огромный мужик упал на колени, хрипя кровью и сдыхая под моими руками. Ненавижу подобных ему!

Едва с мучителем было покончено, я отошла от него и приблизилась к девчонке. Она так и не пришла в себя, но тихое дыхание говорило о теплящейся в ней жизни.

Вблизи она была еще младше, чем мне казалось ранее. Четырнадцать, если не тринадцать. Дьявол побрал бы эти дурацкие обычаи раннего замужества, тем более за таких, как этот!

Встав, на прощание я пнула остывающее тело уже покойного мужа бедняжки и вышла из их номера, прикрывая за собой двери.

Спускаясь по лестнице, я кинула взгляд туда, где некоторое время назад сидел приятель Себастьяна. Он в полной отключке лежал на столе среди опустошенных бутылок и грязной посуды, издавая невообразимый по громкости храп. Я мысленно вздохнула, с облегчением представляя, как этот придурок отпускает в мой адрес очередные сальные шуточки, распускает руки и заставляет сесть к нему на колени, словно дешевую потаскуху. Завсегдатаи этого злачного места любили скрашивать вечера «ночными птичками»,

позволяющими делать с собой все что угодно. Но я не относилась к их числу, я сама выбирала мужчину, прегрешения которого манили меня больше всего. Имея свой запах, каждое преступление вызывало во мне абсолютно разные сексуальные предпочтения. Я будто бы проникалась желаниями своих визави и заставляла их испытывать удовольствия, порой сводящие с ума.

Ночь уже близилась к концу, а мне еще нужно было добраться домой. Я вышла из постоянного двора, оглядываясь по сторонам. Завернула в переулок и отправилась дворами в сторону дома. Мне не хотелось наткнуться на слежку и привести непрошенных гостей к своему убежищу. Да и мои близкие ничего не должны знать о тайне, которую мне приходилось скрывать. В моем шкафу столько скелетов, что он начал напоминать склеп.

До сих пор каким-то образом мне удавалось выходить на охоту незамеченной. Я предусмотрительно оставляла створки окна приоткрытыми, чтобы без труда и лишнего шума вернуться в свою комнату. Этому очень способствовала густая растительность на заднем дворе, она помогала скрываться от посторонних глаз.

Я залезла в окно и закрыла плотные шторы. Сняв одежду, убрала ее в небольшой чемодан, а затем напрямик отправилась в ванну, чтобы смыть следы ночного похождения.

Посмотрев в зеркало, я увидела отражение хорошенькой брюнетки. Пухлые губы напоминали бутоны с приятным розовым оттенком, восточный разрез глаз даже мое сердце приводил в трепет, а что творилось в голове Себастьяна, я и представить не могла. Возможно, именно поэтому он так быстро клюнул на мою удочку и пошел следом, стоило лишь поманить взглядом. В какой-то момент мне даже захотелось остаться такой навсегда, но это было невозможно. С восходом солнца я снова становилась собой, блондинкой с волосами цвета зрелой пшеницы и серо-зелеными глазами, неплохой фигурой, но все же не столь идеальной – абсолютная противоположность моей ночной бестии.

Свои сумеречные преобразования я могла контролировать, достаточно было представить желаемый образ. Вдобавок, мое обоняние становилось совсем другим, ночью я чувствовала запахи... запахи мужских грехов. Каждый из них имел свой аромат и вкус.

Ваниль, апельсин, корица, терпкое вино. Их было великое множество. Я могла зайти в самое злчное место, например постояный двор мистера Орфа, и почувствовать себя, словно в кондитерской лавке. Негодяи и разбойники, убийцы и воры ощущались мне изысканными блюдами под соусом собственных грехов. Пальчики оближешь.

И мне было ни капли не жаль, что после моих трапез они не выживали.

Поделом! Через смерть я несла мщение. Как мифическая фурия!

– Роуз, детка, ты уже встала? – слышался из-за двери голос моей матери. Она и представить себе не могла, что я до сих пор не ложилась и бодрствую. – Сегодня к нам на завтрак придет мистер Пикерт. Мне кажется, что в скором времени нас ожидает приятное событие – помолвка нашей Бри. Боже, это так волнительно. Все должно пройти идеально, и вы мне в этом поможете!

Матушка, хоть и выглядела миловидной женщиной, но на самом деле была весьма строга и сурова. Ослушаться ее приказов могла позволить себе только я, мои же сестры подчинялись ей беспрекословно. Подобное мое поведение матушка называла «плохой наследственностью, доставшейся от отца». Она то с замиранием сердца рассказывала о нем, о его ухаживаниях и всевозможных романтических поступках, то называла его отвратительным грубияном и ханжой. Возможно, все это было плодом ее эмоциональности, но в такие моменты мне хотелось сбежать куда подальше, спрятаться на чердаке и просто слушать тишину, наслаждаясь полетом пылинок в лучах света.

– Я скоро спущусь. Мне нужно всего несколько минут, – откликнулась я, изображая голосом бурную радость за сестренку.

Ах, если бы! Мне оставалось только верить, что она не повторит мою несчастную судьбу.

И все же, даже несмотря на свое истинное отношение к этому браку, я решила надеть скромное батистовое платье с нижней юбкой и кружевным лифом и позволить Бри стать жемчужиной нашего завтрака. Затмевать сестру роскошными нарядами было бы непозволительной глупостью. Пусть сегодня она покорит сердце мистера Пикерта, и он, наконец, сделает ей предложение, тем более что Бриттани сама не против составить ему партию. После ошибки моего

неудавшегося брака мама стала относиться к выбору женихов для дочерей более трепетно. Поэтому Бри уже повезло больше моего, ей никто не говорил «стерпится – слюбится» и не отправлял под венец в тринадцать лет.

Именно из-за подобных брачных махинаций матушки, стремящейся поправить материальное положение семьи, я когда-то вдоволь хлебнула горяшка.

И как оказалось – зря. Денег мое замужество нам не принесло.

Спустившись к завтраку в гостиную, где следовало ожидать гостя, я присела на край дивана и осмотрела уставленный приборами небольшой столик для чаепития. Теплые булочки, небольшие пирожные и рассыпчатое печенье – по наставлению матушки малышка Эмили успела посетить кондитерскую!

– А вот и чай, – произнесла Бри, поставив поднос с сервизом на стол.

– Присядь, – попросила я сестру и провела ладонью рядом с собой.

Она робко присела рядом, дрожа от волнения.

– Что с тобой?

– Мне еще никогда не было так страшно, – выпалила она. – А вдруг что-то пойдет не так? Вдруг он передумает?

– Не передумает, Бри, – заверила я, беря ее руку в свои ладони. – Я думаю, он порядочный человек и не может так поступить с тобой.

– Ты уверена?

– Мне кажется, что ты знаешь его лучше меня и не должна задавать подобных вопросов. А волнение... это нормально. Ты же помнишь, как я волновалась в свою помолвку.

– Розы...

– Что?

– Мне так жаль...

– Давай не будем об этом, ничто не должно омрачить твой день.

Хотя присутствие в комнате такой, как я, уже само по себе одно большое омрачение праздника.

Я Розалинда Клайвшот – баронесса, вдова Вивальда Клайвшота, всеми любимого и почетного члена Общественной Палаты Городской Управы, трагически почившего в возрасте восьмидесяти трех лет в первую брачную ночь с новой молодой супругой. То есть со мной.

А точнее – на мне.

До сих пор не знаю, сердце ли у него не выдержало, или той ночью я выпила у этого подонка оставшееся время жизни, но о его смерти я не жалела ни секунды.

Мои размышления прервал тонкий перезвон входного колокольчика. Матушка поспешила сама открыть дверь, чтобы встретить долгожданного гостя.

Мой взгляд привлекло ее яркое шелковое платье. Лучшее из гардероба. Оно было изумительным, и если бы я не знала настоящий возраст мамы, то могла бы предположить, что эта прекрасная дама – наша четвертая сестра.

– Мистер Пикерт, как хорошо, что вы нашли время, чтобы позавтракать с нами, – лебезила перед гостем мама. – Мы так рады вас видеть.

– Миссис Клейтон, вы удостоили меня чести посетить ваш дом!

Он скользнул по ней взглядом, который лично я бы посчитала весомым комплиментом.

Мистер Пикерт был обаятельным высоким блондином с белоснежной улыбкой и изысканными манерами. Его атлетическое телосложение заставляло вспоминать

античные статуи греческих богов, которые мне приходилось видеть в музее истории. А его глаза... О! По слухам, эти глаза сводили с ума женщин, едва Пикерт входил в помещение.

Рядом с нашей Бри этот мужчина смотрелся просто идеально.

Жгучая брюнетка с голосом нежнее ручейка, она была на голову ниже Пикерта. Ее движения напоминали порхание мотылька с цветка на цветок, такие же легкие, грациозные и утонченные. Пожалуй, сестра только с виду казалась наивной милашкой, на самом же деле она была не по годам умна и образована. Вот только в вопросах любви ничего не смыслила.

Пикерт вошел в комнату, обезоруживающе улыбнулся и прильнул губами к руке сестры. За ним следом вплыла и матушка. В руках у нее уже красовалась блюдо с горячим вишневым пирогом, аромат которого витал повсюду, сводя с ума. Я едва сдержала удивление, чтобы не изогнуть брови. И когда только она успела заскочить на кухню, чтобы поразить потенциального жениха дочери если не вкусной снедью, то несвойственной почтенным дамам ее возраста прытью.

Сложно припомнить, когда матушка в последний раз что-то пекла, да и предыдущие ее шедевры были не столь хороши, как этот. Безусловно, ее кулинарный талант прогрессировал. Я тщательно следила за фигурой, но сегодня мне хотелось отказаться от всех правил и попробовать кусочек манящего угощения.

– Мисс Клейтон, – галантно поприветствовал Бри мужчина.

Но сестра была слишком растеряна и смущена его присутствием, чтобы сказать хоть слово. Легкая улыбка и опущенный взгляд – вот все, на что она была способна в этот момент.

– Баронесса Клайвшот, – я едва ощутила прикосновение его губ к моей руке, будто по ней провели шелковой лентой. Мне впервые довелось видеть мистера Пикерта, и, надо сказать, я была очарована. – Рад нашему знакомству.

– Взаимно, мистер Пикерт. Весьма о вас наслышана.

Любезность была принята. Как и подобает гостю, потенциальный жених раскланялся даже с нашей младшей сестренкой Эмили. Ее мама обрядила в пышное платье с кучей нижних юбок, шелковое, насыщенного персикового цвета. От этого малышка Эми выглядела нарядной куклой с лицом из тонкого фарфора.

Она смотрела на мистера Пикерта огромными восторженными глазами. Казалось, все поддались его очарованию. Даже я.

– Как продвигаются ваши дела на службе? – поинтересовалась матушка у гостя, когда официальная прелюдия к чаепитию была завершена.

Я с интересом воззрилась на Оливера Пикерта и следила за каждым его движением, изучая и пытаясь понять, каким мужем он будет для моей сестренки.

Отвлекал от процесса недоеденный мною пирог, так и красующийся на тарелке рядом с утренним чаем. Вкус кулинарного произведения матушки оказался не столь прекрасным, как его аромат. Запах вишни меж тем продолжал витать в гостиной.

– Дела продвигаются достаточно успешно, я даже планирую расширить производство, но для этого мне нужно найти... партнера, – ответил он, на миг провалившись в свои мысли.

Эта проблема его явно очень заботила. Запах вишни опасно усилился. Я отчего-то насторожилась и незаметно поморщила нос. Захотелось потереть его, но столь открытый жест выглядел бы верхом неприличия на этом жеманном мероприятии.

Стало жаль, что мой дар с рассветом значительно притуплялся, и я не могу прочувствовать этого мужчину, посмотреть на грехи его души и сделать выводы. Выпечку матери я уже начала проклинать. Ни один из всех знакомых мне вкусов грехов не был связан с вишнями, от этого я элементарно растерялась.

То ли выпечка все же вышла чересчур ароматной, то ли пора бить тревогу и задуматься, а достоин ли мистер Пикерт руки моей сестры? Но прицепиться было не к чему, даже манера его разговора была настолько идеальной, будто он

умудрялся молниеносно подбирать каждое произнесенное слово.

Как назло, на протяжении беседы мое мнение о нем постоянно изменялось. Порой он казался мне загадочным и манящим, действительно тем ловеласом, каким окрестили его городские сплетницы, но были моменты, когда перед нами предстал кроткий агнец, жаждущий тихой семейной идиллии с Бри.

И вставить бы мне в беседу хоть пару вопросов, но правила этикета это запрещали. Вдове непозволительно проявлять излишнюю активность в расспросах, это могло отвлечь внимание от Бри.

Да и вставлять что-то поперек реплик матушки было попросту невежливо. – Я слышала, вы бывали в других странах, посещали множество балов? – легко сменила тему матушка, решив обговорить с Оливером предстоящее мероприятие, которое потрясло наш городок своей претенциозностью. – Вы, наверное, уже слышали, мистер Пикерт, что и до нашего городка добралась столичная мода на балы-маскарады. Что думаете по этому поводу?

Мужчина несколько задумался, подбирая очередной ответ, который бы наверняка устроил мою мать, но внезапно оживившаяся Бриттани наконец решила высказаться по этому поводу сама.

– Когда люди в масках могут приглашать на танцы кого угодно, не стесняясь этого? – восторженно выпалила она. – Это так интригующе. Стираются все статусы, положение в обществе, деньги... Кто окажется под маской и будет танцевать с тобой, можно только догадываться.

– Именно так, – мягко улыбаясь, подтвердил мужчина.

Всем своим видом он поддерживал и подстегивал ее восторг, чем явно заработал в глазах сестрицы еще несколько нимбов над своей головой, однако тут же, перестраховываясь, подобрал правильный ответ и для матушки:

– Конечно, это достаточно смело, даже дерзко, но для балов это стало новым веянием, хотя, признаться, далеко не каждый согласится участвовать в подобном. Сложно соперничать с традициями, которые устоялись годами.

Однако мама явно хотела от мистера Пикерта несколько иного ответа и продолжила гнуть свою линию.

– Традиции, традиции, – вздохнула матушка, лукаво улыбнувшись нашему гостю. – Порой это так скучно. Мир должен развиваться и приносить в жизнь людей новые веяния, вы со мной согласны, мистер Пикерт?

– Конечно, миссис Клейтон. Новые веяния, как и деньги, играют большую роль. Однако и у тех, и у других есть одна особенность – они быстро заканчиваются. И что же тогда?

На миг мне показалось, что матушка поникла, расценив вопрос Оливера как намек на наше тяжелое материальное положение. Но, быстро собравшись, она вновь натянула дежурную улыбку и медленно произнесла:

– Тогда остаются титул и связи.

– Если они есть, – улыбнувшись уголками губ, почти проворковал Оливер.

– ...а они есть, – едва слышно вторила родительница.

Я в очередной раз напряглась. Упоминание денег и титула мне не понравилось. Когда-то эти две вещи уже столкнулись в моей жизни и никакого счастья не принесли.

На маму я посмотрела неодобрительно, хотя и понимала, что происходит между ней и мистером Пикертом. Этот танец двух королевских кобр было опасно нарушать, но я внимательно следила за каждым их движением, а Бри, которая сидела рядом, вцепилась мне в руку мертвой хваткой. Она тоже все прекрасно понимала.

К чему вдруг эти разговоры о деньгах и титулах? Первых у моей сестры нет, а второй не передается от жены к мужу. Она, как и я, баронесса, только фамилия осталась папина – Клейтон.

Что же касалось связей, Пикерту брак с Бри дал бы выход на многих людей из высшего света, с которыми наша маменька даже после смерти отца

поддерживала деловые отношения и переписку. Я вдруг вспомнила упоминание о партнере, которого искал потенциальный жених для своего бизнеса.

Уж не связей ли он ищет от брака с моей сестрой?

– Я имел в виду, баронесса Клейтон, что остается любовь, которая способна пережить любые невзгоды, – вдруг достаточно громко ответил мужчина, тут же развеяв напряженную обстановку.

– О, Оливер, вы такой романтик, – захлопала в ладоши Бри.

– Да, кстати, возвращаясь к нашей теме, мисс Бриттани, мне приходилось бывать на одном бале-маскараде, окончанием которого стал визит в полицейский участок. Пришлось свидетельствовать в неприятном деле.

– Полицейский участок? – удивилась я, впервые с момента знакомства не удержавшись от вопроса. – Что же случилось?

– Случилось то, баронесса, что один из гостей оказался известным вором, которого вот уже несколько лет пыталась поймать местная полиция, но проныре всегда удавалось покинуть место преступления безнаказанным. Как потом оказалось, он был частым гостем подобных мероприятий и, будучи в маске, снимал украшения с наивных барышень.

– И каким образом его удалось поймать? – поинтересовалась я, ухватившись за любопытную тему.

– Момент очень щекотливый...

– И все же, мистер Пикерт? – настаивала я.

– Во время танца вор попытался снять с дамы украшение, но та оказалась не промах и преследовала свои цели... Весьма деликатные... Приняв его теплые объятия за попытку заигрывания с ней, в полутьме залы она незаметно для всех, как сама считала, протянула руку к его штанам. Тогда-то подонок и выронил украшение. Брошь упала на пол и покатилась. Заметив это, некоторые из гостей усомнились в порядочности загадочного джентльмена в маске. Началась

настоящая суматоха, в которой обнаружилась пропажа еще нескольких дорогостоящих украшений. Присутствующие дамы подняли возмущенные крики. Находясь на глазах у всех, вор просто не смог сбежать. Ну и, конечно же, именно в его карманах и были обнаружены пропавшие драгоценности.

– Какой ужас! – негодовала маменька.

– Да все могло бы закончиться печально... если бы не ручки той леди.

В этот момент я не смогла сдержать смех, тем более после того, как Оливер мечтательно прикусил нижнюю губу. Мама и сестра этого не заметили. Их взгляды были застенчиво опущены в пол, а щеки Бри пылали, как наливные яблоки.

– Что смешного, Роуз? – нахмурилась матушка. – Каждая могла бы оказаться на месте той леди.

«Конечно, мамулечка, – подумала я. – Если не знаешь, куда деть свою красивую ручку – суй ее в мужские штаны, там ей самое место!»

Но вслух произнесла лишь:

– Простите.

Оливер сделал очередной глоток чая и со звоном опустил чашку на тонкое блюдце. Жест вышел решительным, привлекающим внимание, словно фанфары перед выходом на сцену главного лицедея театра.

– Леди, признаюсь честно, что я неспроста принял ваше приглашение к завтраку. Оно пришлось весьма кстати, ведь я уже давно собирался признаться в своих чувствах к одной из вас, – словно набравшись храбрости, выпалил мужчина.

Он вскочил с дивана и встал на колени перед сестрой. В его руках словно из ниоткуда возникла бархатная коробочка с колечком. Неприлично дорогим, судя по огромному лучистому камню в золотой оправе.

– Дорогая Бриттани, я долго не отваживался сказать вам это, но мне бы хотелось, чтобы вы стали моей женой. Я влюблен в вас и сражен вашей красотой.

Бри, как всегда, растерялась, но наш красавчик и тут нашелся.

– Я понимаю, что для вас это стало полной неожиданностью и даю вам время подумать. В свою очередь прошу вас не затягивать с ответом. Время, которое я проведу в ожидании, станет для меня самым мучительным.

– Боже, это так неожиданно!

Матушка играла просто изумительно. Подмостки сцен ломились бы от цветов, если бы она выступала в театре. Утерев невидимую слезу шелковым платком, она ждала хоть какой-то реакции от Бри.

– Я со... – пролепетала та, ослепленная блеском кольца.

– Роуз, ты слышишь, наша Бри согласна подумать, – возликовала мама.

На самом деле я понимала, что Бриттани уже здесь и сейчас хотела произнести «да», но матушка решила, что слишком рано давать ответ, поэтому перебила ее. И, несмотря на решительность родительницы, я была уверена, что несколько дней до того, как Бри согласится, маменька будет как на иголках. Вдруг кто-нибудь уведет такого прекрасного жениха из-под ее носа? Уж тогда-то она точно устроит грандиозный скандал.

Дальше все происходило сумбурно. Эмили хлопала в ладоши, на радостях кружась по гостиной в своем пышном платье. Оливер целовал руки краснеющей Бриттани. Маменька рыдала от счастья в голос, я же скромно улыбалась, как и положено вдовствующей баронессе.

Внутри меня боролись противоречия.

Мне решительно не нравилось что-то в женихе Бри, и я была благодарна матушке за то, что она не позволила сестре согласиться на свадьбу так быстро. Это давало некоторое время для собственного маленького расследования.

После ухода мистера Пикерта, сославшись на невыносимую головную боль, я поднялась в свою комнату и легла в кровать. На самом деле мне просто хотелось спать после бессонной ночи.

Мои силы по-прежнему были в норме, и в ближайшие несколько дней, если не произойдет ничего из ряда вон выходящего, охота для утоления голода мне не грозила. Но ночью я все же решила попытаться отыскать Оливера Пикерта. У меня для него была заготовлена своя проверка.

* * *

Сон пришел ко мне так быстро, что я едва успела закрыть глаза.

Я находилась в начале высокой лестницы, ведущей к входу с тяжелым занавесом. Вокруг невозможно было ничего разглядеть. Все тонуло в непроглядной тьме, и только маленькая свеча наверху была знаком, что мне непременно нужно подняться к ней. Я шла медленно, с опаской делая каждый шаг, а дойдя до верха, увидела, как десятки свечей вмиг загорелись по разные стороны от меня.

Тогда я вновь посмотрела на занавес. Перед ним уже стоял человек в костюме и цилиндре, с закрученными усами и улыбкой, доходящей до ушей.

– Мадам, мы вас ждали, – проговорил франт. – Теперь можно начинать.

Резким движением он приоткрыл тяжелую штору, беззвучно приглашая пройти в зал, скрывающийся за ней. Я робко сделала несколько движений, и с каждым шагом загорались новые свечи, освещая людей, кружащихся в вальсе.

– Это она...

– Здравствуйте, леди...

– Как она прекрасна...

Множество восхищенных голосов доносилось со всех сторон.

Подойдя к зеркальной стене, я увидела свое отражение. Смоляные длинные локоны ниспадали почти до самого декольте шелкового черного платья, пышную юбку которого украшало множество складок. Верхняя часть лица скрывалась за кружевной маской, отделанной такими же черными перьями. Лишь яркая красная помада была подобием лучика света в этом темном царстве.

В зеркальном отражении я увидела мужчину, который стоял на другой стороне зала у колонны и не сводил с меня взгляда. В его руках покоилась ветка белоснежных цветов. Незнакомец чуть приподнял ее вверх, намекая, что эти бутоны он преподносит мне, а затем, опустив ее на столик рядом с собой, отступил в темноту.

Я повернулась и бросила взгляд к колонне, где он стоял. Но незнакомца уже не было, лишь белоснежные цветы одиноко ждали меня. Взяв их в руки, я вдохнула приятный аромат, но так и не смогла понять, чем именно они пахнут.

Помимо ветки на столике обнаружился конверт. В нем лежал листок с единственной строчкой: «Второй этаж. Мандариновый цветок». Ах, вот что он держал в руках. Как необычно.

Поднимаясь по лестнице, я находила все новые и новые веточки с белыми соцветиями. И почти в самом конце коридора один из цветков был вдет, будто в петлицу, в ручку двери.

Стучать в комнату не было никакой необходимости. Едва мне удалось приблизиться к ней, как та призывно распахнулась. Внутри царил полумрак, рассеянный множеством свечей, расставленных по всей комнате, в центре которой стояла огромная кровать, скрытая от глаз спущенным полностью балдахином. Я подошла к нему и решила заглянуть внутрь.

«Никого, – расстроилась я. – И как понимать все это?»

Но, не успев обдумать пришедшую в голову мысль, ощутила на плечах прикосновение чьих-то рук.

Я резко повернулась, узрев мужчину в маске. Он толкнул меня на кровать. От неожиданности я вскрикнула.

Мне хотелось увидеть лицо незнакомца, но полумрак не позволял мне взглянуть даже в черты той части лица, которая не была скрыта маской.

– Кто ты? – выдавила я, пытаюсь унять дрожь.

– А разве это важно? – прозвучал бархатный баритон.

Я видела лишь силуэт, возвышающийся надо мной, такой беспомощной, лежавшей на холодных простынях. Плотный балдахин скрывал все пространство вокруг, заставляя меня почувствовать себя в тесной матерчатой коробке, и лишь за спиной моего визави мелькала узкая полоска света от развернутых полотнищ.

Я опасливо отползла от мужчины, понимая, что загоняю себя еще глубже в пространство незнакомой постели, и только когда незнакомец начал приближаться, поняла, что я лишь бабочка, которую поймали в искусные сети.

Полоска света исчезла, погрузив меня в кромешную темноту, где были только я и он.

Я чувствовала, как прогибается матрас под его телом, но не могла пошевелинуться. Нахлынуло странное оцепенение, которое позволило властным рукам беспрепятственно перевернуть меня на живот.

Я почувствовала вес мужчины на своих ногах, когда он, словно кобылу, оседлал меня, а первая же попытка вырваться была пресечена холодным лезвием, прижатым к горлу.

– Тише, дорогая. Ты ведь не хочешь испортить нашу игру, – прозвучало над моим ухом, и холодный металл подразнил легким касанием острой кромки к подбородку. – Помни правила, девочка.

Я закусила губу и податливо замерла, позволив незнакомцу завести лезвие назад и скользнуть им по узкой полоске позвонков шеи вниз, к обнаженным лопаткам.

Прикосновение будоражило, заставляло напрячься и бояться, что одно неосторожное движение может вызвать рану на чувствительной коже. Кончик

ножа обвел край корсета на спине, и мужчина недовольно цокнул языком.

Я почувствовала, как оружие поддело тонкие завязки, и шнуровка корсета стала ослабевать.

«Он что, срезает ее ножом?» – испугалась я и попыталась вновь ускользнуть от касаний металла.

– Не двигайся, – прохрипел мужчина, наклоняясь к моему уху.

Голой спиной я почувствовала близость его тела и жар, исходящий от мощной груди.

– Хочешь знать, что будет дальше? – спросил он, захватывая мочку моего уха в плен своих губ и болезненно закусывая нежную кожу.

Я вскрикнула, но не слишком уверенно. Тяжесть мужчины казалась мне слишком привлекательной, чтобы сопротивление выходило достоверным.

– Т-ш-ш, – не выпуская изо рта мое ушко, прошипел он.

Нож был отброшен в сторону, и довершать дело с неснятым корсетом принялись чужие руки. Они скользнули по спине, раздвигая в стороны испорченные части разрезанного платья. Я чувствовала, как горячие ладони оказались между моим животом и постелью, скользнули вверх по беззащитному телу, будоража нежную плоть, добрались до свободных от плена корсета грудей и сжали их. Напористо, не ласково и в то же время томительно сладко. Соски набухли помимо моей воли, сделались жесткими, торчащими и жаждущими властных касаний.

Наглый смешок слетел с уст мучителя, а пальцы обхватили нежные вершинки и легонько сжали их, заставляя меня тихо застонать.

– Нравится? – спросили у меня, и так зная ответ, в котором бы я не смогла признаться вслух.

Грубыми движениями он истязал мои соски, а я кусала простыню и пыталась молчать. Его губы впились в мою плоть, не целуя, а покусывая ее.

Мои попытки сбежать превратились в неумное желание прижаться к мужчине сильнее. Я вертела задом, неосознанно поднимая его, словно подаваясь навстречу и приглашая незнакомца к следующему шагу, провоцируя на и без того рискованную порочную игру.

– Даже так? – протяжно произнес он.

В шепоте слышалась похвала моему смирению и податливости.

– Но правила в этой игре мои, девочка, а значит, будешь терпеть все, что я стану с тобой делать.

Он зарычал, резко отнимая руки, которым надоело мять мою грудь, и поднялся с меня. Теперь я не чувствовала его дыхания у себя на затылке, не чувствовала томной боли в сосках, лишь его вес на моих ногах, где он продолжал сидеть.

Это заставило разочарованно заскулить. Мне хотелось его касаний, а он перестал.

– Попроси, – властно повелел он.

Его низкий бархатный голос обволакивал меня, вызывая нестерпимую дрожь наслаждения.

– Что просить? – не поняла я.

Остатки гордости, если и были, то давно пропали. Я попрошу все что угодно, только пусть скажет, чего именно.

В ответ молчание, лишь неуловимые касания его пальцев вдоль позвоночника и еще один смешок. Словно мучитель придумал новый план.

– На четвереньки, – приказал он, вставая с меня и позволяя это сделать.

Я покорно выполнила: оперлась на руки и колени, прогнулась и вздрогнула, едва ощутила руки, задирающие мои юбки вверх. Мужчина был быстр в своих

действиях, не размениваясь на бессмысленные ласки, он добрался до моих коротких трусиков и рывком стянул их вниз до колен.

– Какие забавные путы я для тебя придумал, – раздался его голос, и ладони легли на мои ягодицы. – Эти трусики не дадут тебе раздвинуть ножки, даже если ты очень сильно захочешь это сделать.

Я вновь почувствовала его близость к себе, он стоял сзади и беззастенчиво дразнил меня словами и действиями. Его пальцы погладили упругое колечко плоти, которое тут же сжалось от непрошеного касания. Я попыталась увильнуть, но меня увесисто шлепнули.

– Это моя игра, – уверенно напомнил он, что своевольничать нельзя. – Хотя в чем-то ты права. Не стоит начинать игру так резко.

Его пальцы скользнули ниже и без какой-либо подготовки раздвинули нежные складочки, чтобы ворваться в мое лоно. Я вскрикнула от неожиданности, попыталась отстраниться, но второй рукой мужчина подхватил меня под живот, не давая такой возможности. Он выскользнул из меня, чтобы вновь войти пальцами, и так несколько раз, пока я не начала сама двигаться навстречу его касаниям.

– Ну же, – не выдержав этой пытки, попросила я. – Войди в меня сам!

Едва я это произнесла, все прекратилось. Меня отпустили, позволив обмякнуть без поддержки руками. Я упала на простыни и на испорченное платье, обиженно всхлипнув. Приподнялась на локтях в попытке сесть и найти глазами хотя бы силуэт своего мучителя.

Но меня ждала пустота.

Под темным балдахином находилась только я.

* * *

Я выскочила из сна рывком, мучительно выныривая из его объятий и покрываясь мурашками от увиденного.

Капельки пота стекали по лбу, я судорожно дышала в попытке понять, что все случившееся мне только приснилось.

– Будь проклят этот бал-маскарад, о котором все трещат, – в сердцах выпалила я, падая обратно в подушки.

Не нужно быть толкователем снов, чтобы узреть корни этого почти-кошмара. После всех разговоров о маскараде этот дьявольский бал плотно засел в сознании. Что касается странного почти-изнасилования в моем видении, тут было еще проще.

Впитанные годы жизни сегодняшнего мерзавца Себастьяна не могли пройти бесследно даже для меня. Скорее всего, я уловила отголосок его противных развлечений, которыми он баловался с невинными девушками. С одной лишь разницей: во сне меня не принуждали к близости. Просто властвовали.

А Себастьян предпочитал быть грубым с самого начала. Швырял и трахал, затыкая рот и не давая жертве брыкаться. В отличие от него, любовник из сна пусть и действовал отнюдь не романтично, но игру выбрал поистине будоражащую. Внизу моего живота до сих пор сладко ныло...

В гостиную я спустилась, когда день клонился к закату. Сестры на кухне хлопотали над ужином, а матушка сидела и разбирала многочисленные письма.

– Нашим счетам нет конца, – вздохнула она с отчаянием.

– Мы что-нибудь придумаем, – заверила я, беря одно из писем в руки.

– Остается надеяться, что у Бриттани с мистером Пикертом все будет хорошо. Твоя сестра понимает нашу ситуацию и не оставит семью в беде. В конце концов, всему есть предел, жизнь не всегда должна иметь только серый оттенок, ведь правда?

Мама искала поддержки у меня, а я думала, что ночью мне нужно будет покинуть дом и посмотреть, чем занимается будущий жених.

Его слова, поведение и намек, что ответ нужно дать в скором времени, меня настораживали. Почему он так спешит со свадьбой? Он что-то задумал, или, находясь в постоянном контакте с преступниками, я совсем разучилась доверять людям и вижу зло даже там, где его нет?

– Конечно, все обязательно наладится.

Я вскрыла несколько конвертов, в одном из которых оказался очередной злополучный счет, а вот в другом было приглашение на выставку хорошего друга семьи – Мишеля Лонтье. Мишель перебрался в наш городишко пару лет назад и тотчас нашел почитателей своего творчества в лице представителей местного высшего света. Красочные пейзажи с изображениями домов заказчиков, портреты богатых дам и их кавалеров очень понравились клиентам художника. Ходили слухи, что в частных коллекциях, скрытых от посторонних глаз, находились даже картины обнаженных персон, прикрытых лишь виноградными листьями и шелковыми лоскутками. И мне что-то подсказывало – это далеко не слухи.

– Мишель снова устраивает выставку, – объявила я матушке.

– Непременно стоит посетить ее, – воскликнула она, убирая все остальные письма. – Я восхищаюсь талантами этого мальчика. Как вовремя его тетушка отправилась на тот свет и оставила юному дарованию такое солидное наследство. Его дом – просто мечта...

– Мама...

Даже мне сейчас стало стыдно. Порой ее цинизм переходил все границы. Хотя сложно упрекнуть ее в этом. Детство матушки проходило в бедности, а замужество с отцом подняло ее на вершину общества. Поэтому она сейчас она так старается, чтобы нам не довелось оказаться там, откуда ей с таким трудом удалось выбраться.

– Роззи, не будь такой строгой и позволь мне хоть иногда предаться мечтам

– Чем же тебе не угодил наш дом? – удивилась я. – Я нахожу его вполне уютным, да и места здесь достаточно.

– Да, но наш гостевой домик мы вынуждены сдавать констеблю Буллету!

– Я вижу в этом только положительные стороны. Сэм – прекрасный молодой человек, работает в полиции, ведет себя настолько незаметно, что я порой забываю, что он живет совсем рядом.

На самом деле, жить под боком у полицейского было с одной стороны очень хорошо, ведь ночью я могла покидать дом, не переживая за близких. С другой – мое маленькое хобби было отнюдь не безобидно и напрямую связано с преступлениями, в том числе и с моими. Спасало меня лишь то, что гостевой домик находился с левой стороны нашего дома, моя же комната располагалась с правой. Заметить, как я возвращаюсь после очередной охоты, попросту невозможно, да и я, учитывая факт близкого нахождения констебля, вела себя крайне предусмотрительно. К тому же, кто бы мог подумать, что убивает всех этих негодяев одна из женщин нашей семьи, рядом с которой проживает полицейский?

Наш спор с матушкой прервал звонок входного колокольчика. Я открыла дверь и увидела на пороге Сэма Буллета. Легок на помине.

– Здравствуйте, леди Клайвшот, мы бы могли поговорить с вашей матушкой? – он переминался с ноги на ногу, определенно чувствуя неловкость.

– Добрый вечер, – отозвалась я, заметив за его плечом еще одного человека.

Мужчина был одет в гражданское и стоял чуть поодаль от Сэма. По особой аккуратности в костюме и строгой выправке я предположила, что передо мной либо бывший военный, либо еще один полицейский. Заложив руки за спину, он отрешенно смотрел куда-то в сторону.

– Конечно, проходите. Чаю?

– Нет, спасибо, мы на минуту.

Они прошли в гостиную, где сидела матушка. Констебль явно волновался, отчего долго расшаркивался с ней, постоянно забывая представить нам гостя.

– Простите, баронесса Клейтон, это детектив Ричард Лорн, – наконец вспомнил он.

Мужчина учтиво поклонился и поцеловал руку матери.

– Приятно познакомиться, баронесса Клейтон.

Выпрямившись, он перевел взгляд на констебля, а затем на меня, намекая коллеге, что в зале находится еще одна дама, нуждающаяся в представлении.

– Баронесса Клайвшот, – тут же исправил неловкость Буллет. – Позвольте представить детектива Лорна.

– Ричард, – улыбнулся мужчина, касаясь губами моих пальчиков.

– Розалинда, – ответила я тем же и забрала руку немного быстрее, чем позволяли правила приличия.

Несмотря на видимую искренность улыбки мужчины и его явную внешнюю привлекательность, он меня смущал. Наверное, как раз излишней, поистине ослепляющей красотой. Лишь сейчас я стала более внимательно приглядываться к гостю.

Выше меня на голову и отлично сложенный, что подчеркивал идеально сидящий костюм. Волосы цвета воронова крыла, не слишком короткие, но и не слишком длинные. Я любила такие волосы у своих жертв, мне нравилось зарываться в них пальцами, играть с локонами, наслаждаться запахом. У таких мужчин обычно были очень сладкие грехи. Я невольно втянула воздух, принюхиваясь, но ничего не почувствовала. Было слишком рано, мое время еще не наступило.

Стоявший близко детектив Лорн заметил это, удивленно вскинул бровь, но его выражение тут же приобрело прежнее спокойствие. Разве что зеленые глаза лукаво блестели. Я невольно залюбовалась красивыми губами, в которые тут же захотелось впиться поцелуем.

«Наверняка он пахнет корицей или яблоками, – одернула я себя. – Запах всех коварных соблазнителей».

Иллюзий по поводу детектива я не строила, он слишком красив, чтобы оказаться безвинным. Такие любят пользоваться преимуществами собственной внешности, ибо грех этого не сделать. Хотя я и не думала, что своими похождениями Лорн мог заслужить смерть от моего дара, но от детектива решила уже сейчас держаться подальше. Настораживал он меня.

– Миссис Клейтон, дело в том, что мой коллега прибыл в наш город сегодня утром, и ему совсем негде жить. Могли бы вы позволить ему остановиться в вашем гостевом домике?

– А как же вы, констебль? Вы нас покидаете?

– Нет, детектив Лорн ничуть не стеснит меня. Он готов платить ту же сумму, что и я, за комнату.

– Если это не причинит вам неудобств, то я не против.

Матушка окинула взглядом нового постояльца, изучая его и уже сейчас прикидывая, куда пристроить неожиданную прибавку в денежных средствах.

– Позвольте спросить, детектив, надолго ли вы прибыли в наш город?

– Пока не решу все необходимые дела. Надеюсь на скорое отбытие.

– Вас смущает наш милый городок?

– Да, как и любое другое место преступления. Простите, миссис Клейтон, но, если вы позволите, мне бы хотелось отдохнуть после трудной ночи.

– Конечно, детектив.

Когда они ушли, матушка осталась сидеть с остекленевшим взглядом, а потом проронила:

– Наш город – место преступления.

– Что тебя так напугало? – равнодушно заметила я. – Везде происходят какие-нибудь правонарушения.

– Меня напугало, что он считает ВЕСЬ наш город одним большим местом преступления.

* * *

– Роззи, будь добра, отнеси детективу постельное белье и ключи.

– Хорошо.

Я взяла то, что подготовила для нашего гостя матушка, и вышла на улицу.

В детстве я очень любила играть в гостевом домике. Нам с сестрами он казался сказочным замком, правила в котором две, а потом уже и три принцессы. Небольшой, уютный, без лишних изысков – прекрасное место, где дети могли разбрасывать игрушки, совершать шалости и не мешать взрослым.

Даже после смерти отца гостевой домик некоторое время оставался тем самым спасительным островком счастливого детства, в котором я и Бриттани предпочитали прятаться от суровой реальности.

Но потом все в одночасье изменилось, перечеркнув то хорошее, что происходило внутри.

В один из летних дней, когда я сидела в крохотной гостиной и играла с прибившимся ко двору щенком Люмом, вошла матушка и сказала, что мне нужно поприветствовать одного очень важного и уважаемого гостя. Им оказался барон Клайвшот.

Скажу честно, барон тогда мне понравился. Он казался добрым стариком, который решил посетить знакомых и подарить подарки детям. Он приветливо улыбался, был учтив, преподнес огромную коробку конфет. Даже попытался погладить щенка, которого я приволокла с собой из домика. Однако Люм барона облаял и даже зарычал, едва тот протянул к нему руку.

– Не обижайтесь на пса, – раздосадовалась тогда мама, тут же забрав собаку у меня из рук. – Он беспородный, от этого глупый.

Помнится, тогда я впервые обиделась на мать. Для меня Люм был самой умной собакой на свете.

С этими воспоминаниями я дошла до домика и, постучав, услышала за дверью шаги. Открыл мне наш новый постоялец.

– Я принесла вам вот это, – протянула я ему постельное белье, поверх которого лежали ключи от домика. – Мы подумали, что вам необходимо будет иметь свой комплект.

– Спасибо, – быстро произнес он. – Это будет кстати. Не желаете войти?

– Нет, благодарю, – я поджала губы и развернулась.

После всех воспоминаний это место мне не нравилось. Более того, близость к домику пробуждала в душе темные страхи. Я сошла с крыльца, пересекла сад и направилась к родному дому. Уже на пороге перед дверью обернулась и посмотрела назад. Там на крыльце гостевой постройки до сих пор стоял детектив Лорн и задумчиво смотрел мне вслед.

Я прошла в дом, немного растерянная подобной реакцией. Меня беспокоило и раздражало его повышенное внимание ко мне. Неужели понравилась?

Злобно усмехнувшись, я прошла в свою комнату. От таких, как он, у меня было универсальное средство.

* * *

– Странная она, – закрыв двери, обратился Лорн к констеблю. – Подозрительная.

Сэм взглянул на старшего коллегу с нескрываемым сомнением.

– Вы о баронессе Клайвшот?

Буллет занимался тем, что суматошно собирал свои разбросанные по гостиной вещи, приводя ее в более-менее божеский вид.

Идея, предложить Лорну пожить здесь, пришла к Сэму спонтанно, когда детектив выказал желание съехать от престарелой тетушки начальника, куда его поселили, дабы не мешать ей своим присутствием. Правда, констебль сразу предупредил, что снимает жилплощадь у баронессы Клейтон – вдовы, муж которой почил почти десять лет назад.

– Кроме миссис Клейтон в хозяйском доме проживают еще три ее дочери, – говорил он. – Однако они не вмешиваются в мои дела. Наше общение ограничивается приветствиями. Я им абсолютно не интересен до момента принесения арендной платы. Поэтому, если вас, детектив Лорн, не смутит беспорядок в доме, я могу поговорить с хозяйкой. Думаю, она согласится.

Беспорядок Лорна не смутил, а вот Розалинда, старшая дочь миссис Клейтон, обескуражила.

– Почему у дочери и матери разные фамилии, но при этом сохранился один и тот же титул? Они обе баронессы, – спросил Ричард у коллеги, отмечая эту странность. – Или леди Розалинда замужем, но тогда почему она живет в доме матери, а не с мужем?

– Оу, – несколько расстроено протянул Буллет.

Он складывал в коробку разбросанные по дому носки и сейчас как раз обнаружил, что с десятка из них остались без пары.

– Это весьма грустная история.

– Расскажите, – попросил Ричард, склоняясь под продавленным от старости диваном, откуда выглядывал черный мысок потерянного носка. Перебросив оный констеблю, он продолжил. – Мне крайне интересно.

– Когда отец семейства умер, дела у одинокой вдовы с тремя дочерьми пошли худо. Я не знаю всех подробностей, но в обществе поговаривали, что она выдала старшую дочь Розалинду замуж в тринадцать лет за престарелого барона

Клайвшота, чтобы поправить за счет его богатства материальное положение. Несмотря на престарелый возраст, он был почтенным и добрым человеком, поэтому никто не сомневался, что молодая жена будет рядом с ним как у Бога за пазухой.

При упоминании возраста девочки Лорна передернуло. Что за варварское поведение? Тринадцать лет, совсем ребенок. Да, еще полвека назад такое было сплошь и рядом, но сейчас общество относится к подобному весьма неодобрительно. И все же, с сожалением отметил он, ранние замужества практиковались до сих пор, юная баронесса оказалась тому примером.

– И что случилось дальше?

– В первую брачную ночь ее супруг умер. Прямо на девочке, едва успев конsumировать брак. Это стало страшной травмой для Розалинды. Говорят, она даже тронулась умом после этого. Чего стоит один траур, который она носит, не снимая, уже семь лет.

Детектив нахмурился, вначале он не принял черное платье молодой девушки за проявление скорби о муже, ему показалось, что наряд был подобран специально – слишком выгодно он подчеркивал изгибы фигуры баронессы и акцентировал внимание на ее пшеничных волосах. Выходит, все же траур.

– Семь лет? Отчего же так долго? – не унимался он с расспросами. – Она ведь молода, может выйти замуж повторно.

– Я же говорю, у нее душевная травма, – немного раздраженно ответил констебль, правда, раздражение больше адресовалось непарным носкам, которые Сэм вертел в руках, не зная, что с ними делать. – Баронесса Клайвшот и близко не смотрит на мужчин. Был еще один печальный инцидент, когда в шестнадцать к ней решил посвататься один из друзей отца. У бедняжки случилась истерика и припадок, приезжали доктора и даже святой отец, когда люди решили, что в девушку вселился дьявол!

– Что за бред? – раздраженно спросил Лорн. – Откуда эти суеверия?

– Точно так же сказали и врачи, назвав подобную реакцию защитным механизмом психики. Позже девушке стало лучше, но желающих свататься к ней

больше не нашлось.

«Еще бы!» – усмехнулся Лорн, хотя где-то внутри ему стало горько.

Молодую и красивую леди было жаль. Она не виновата, что похотливый старик решил скончаться прямо на ней.

– Вы задали столько вопросов, – немного бестактно поинтересовался констебль, с интересом глядя на детектива. – Она вам понравилась?

– Нет, просто предпочитаю прояснять странные для меня вещи, – Лорн подхватил на руки выделенный ему комплект постельного белья и направился в комнату, которую ему несколько часов назад предоставил Буллет. – Пора спать, завтра будет тяжелый день.

* * *

Ночью я отправилась узнавать секреты мистера Пикерта. Мне хотелось прийти под окна его дома, заглянуть внутрь, обнаружить его спящим в своей кровати, видящим безмятежные сны, и, наконец, понять, что тот вишневый аромат был всего лишь запахом пирога матушки, а не грехов мужчины. Но каково было мое разочарование, когда, едва оказавшись на улице, где он проживал, я увидела Оливера, спешащего куда-то в центр города и озирающегося по сторонам.

Он ежился в куртке с поднятым воротом, стараясь как можно сильнее вжать голову в плечи. Его шаг был настолько стремительным, что я едва успевала за ним, чтобы не потерять из виду.

Пройдя несколько кварталов, он остановился рядом с вывеской «Кабаре «Дикая кошечка» и вошел внутрь. Там было малоллюдно, но, несмотря на это, в воздухе витал запах алкоголя, смешанный с изрядной порцией сигарного дыма.

Оливер Пикерт подошел к столику, за которым сидели мужчина и женщина – незнакомые мне блондин и брюнетка. Легким кивком он поприветствовал обоих и подозвал виляющую пышными бедрами официантку. Та не заставила себя долго ждать и, улыбнувшись, поставила перед новым посетителем порцию виски.

У меня не было задачи привлечь его внимание, хотя я могла бы попытаться это сделать. Мои огненно-рыжие волосы короновала маленькая черная шляпка с темной вуалью. Черное платье из плотной ткани изящно обтягивало фигуру, выгодно подчеркивая талию. Дабы не попасться Пикерту на глаза, я устроилась в самом темном углу и начала наблюдать.

– Что будете пить? – спросила меня улыбающаяся официантка.

– Нет, спасибо, я сделаю заказ позже, когда придет мой... друг, – соврала я. – Он немного опаздывает, и мне не хотелось бы встретить его в весьма пикантном состоянии.

– Понимаю.

Я отдавала себе отчет, что должна оставаться в полной готовности. Моя сегодняшняя охота за грехами была особенной. Я не планировала становиться любовницей Оливера, мне лишь нужно было узнать о нем больше и, похоже, я не зря на это надеялась.

На сцене началось зажигательное шоу. Девушки, танцующие канкан, умело задирали ножки и трясли юбками под залихватскую музыку, бегали по сцене и задорно подбадривали публику засовывая под резинку их кружевных чулочков мелкие купюры.

Но танцовщицы меня волновали мало, все мое внимание было посвящено жениху Бри. Он пил виски и о чем-то мирно переговаривался с мужчиной и женщиной, к которым подсел за столик. Их общение происходило настолько обыденно и спокойно, будто они не в кабаре сидят и на танцовщиц смотрят, а пьют чай в домашней обстановке. Я даже начала скучать, наблюдая за размеренной беседой Пикерта с друзьями. Хотя вряд ли эти двое были именно друзьями Оливера, слишком разнилась одежда этой парочки и моего знакомого. У суженого Бри – обычный костюм, аккуратный, но недорогой, а у мужчины напротив – дорогуший пиджак. Я была готова поклясться, такой стоит не одну тысячу монет. То же самое можно было сказать и о платье женщины, выглядящем гораздо дороже, чем мой наряд. Раз эдак в десять дороже. В какой-то момент от моего острого зрения не укрылся блеск одинаковых колец на пальцах парочки, отчего я сделала вывод, что они супруги. Я лишь сожалела, что из-за шума и музыки не могла различить, о чем именно говорит эта троица.

Я уже была готова заскучать окончательно и даже помиловать Пикерта в своих глазах, когда женщина, сидящая между Оливером и другим мужчиной, взяла обоих за руки и куда-то повела.

Невольно я нахмурилась. Слишком фривольное поведение для богатой леди.

Они вышли из зала.

Поспешив за ними, я увидела, как они вышли из кабаре и напрямик отправились в соседнее здание. С виду это был обычный жилой дом с крошечными квартирами, которые так любят арендовать студенты на время учебы.

Так сразу идти за ними я не рискнула, это было слишком заметно. Пришлось подождать несколько мгновений и только затем двинуться к парадной незнакомого дома.

Внутри на удивление оказалось не так грязно, как я ожидала от дома напротив злачного кабаре. Наверное, все же дом был приличнее, чем мне показалось на первый взгляд, да и квартиры здесь наверняка более дорогостоящие, чем могли бы себе позволить студенты.

Растерянно оглядевшись по сторонам, никого из преследуемых я не увидела. Зато услышала звуки удаляющихся шагов на втором этаже.

Бесшумной тенью скользнув по лестнице вверх, я очутилась в полутемном коридоре, где тут же остановилась.

Пикерт с неизвестными мне супругами маячил в конце холла, меня они не видели. Незнакомый мужчина уже возился с ключами около одной из дверей.

Я замерла, вслушиваясь, о чем они говорят.

– Как хорошо, что ты пришел, – сказала незнакомка. – Мы уже начали скучать по тебе.

– И насколько сильно? – усмехнулся Пикерт.

– Сейчас все узнаешь, я приготовила для нас кое-что интересное. Тебе понравится.

Они вошли в квартиру и захлопнули дверь. Я же, двигаясь по небольшому коридору, попутно выключала газовые лампы, чтобы оставаться в полной темноте, которая никогда мне не мешала, скорее наоборот – скрывала в самые необходимые моменты. Ночью я видела не хуже кошки и двигалась так же мягко и тихо.

Добравшись до только что закрывшейся двери, я приложила ухо к ее деревянной поверхности. Да, подслушивать гнусно, но что делать, когда на кону стоит счастье сестры?

– Зашторь окна, – велел Пикерт. – Я не хочу, чтобы нас кто-то увидел.

– Бен, дорогой, сделай, как просит Оливер.

Тонкая полоска света, пробивающаяся из-под низа двери, резко померкла.

– Мальчики, идите за мной.

И снова мне слышались звуки удаляющихся шагов.

Все трое направились в смежную комнату, это я поняла по скрипу несмазанных петель, который раздался прежде, чем голоса смолкли.

Достав из волос длинную шпильку, я несколькими движениями вскрыла простейший замок и скользнула из коридора внутрь квартиры.

Внутри было абсолютно темно. Но не для моих глаз. Мне стоило благодарить Пикерта, который благоразумно задернул шторы от лунного света и, возможно, любопытных посторонних глаз.

В крошечной гостиной, где я оказалась, мне было неинтересно. Я стремилась в комнату, где уединились эти трое.

Скрипучая дверь к ним была лишь прикрыта, я подошла ближе и с любопытством заглянула в тонкую щель.

В их комнате было еще темнее, чем здесь.

– Я ничего не вижу, – произнес Пикерт, выставив перед собой руки, пытаюсь найти в воздухе хоть что-то.

– Иди вперед.

Мужчина и женщина явно знали обстановку комнаты, а Пикерт, похоже, был здесь впервые. Супруги сели на кровать и подтянули к себе Оливера.

– Присядь, – проворковала брюнетка, заставляя Пикерта расположиться между ней и ее мужем.

Едва он оказался рядом с ней, женщина с жадностью припала к его губам. Ей явно нравилась их мягкость и податливость, я ни с чем не могла спутать выражение удовольствия на ее лице. Она тянулась ко рту Оливера, как к божественному источнику, и не могла насытиться.

Мужчина, сидящий за Пикертом, тоже оживился. Сняв шляпу друга, он начал покрывать его шею поцелуями, нежными, вкрадчивыми, не такими страстными, как у его жены. Он гладил плечи жениха Бри, переходя на грудь и тайком расстегивая пуговицы сюртука. Эта пара с такой мимолетной ловкостью сняла с Пикерта одежду, что я не успела и глазом моргнуть.

– Теперь ты понимаешь, как мы соскучились по тебе, Олли? – спросила дамочка, вставая с постели и принимаясь раздеваться.

Она сбросила свою одежду на пол, будто лепестки цветка, и раскрылась перед двумя мужчинами, несмотря на то, что они не могли видеть этот танец страсти и чувственности, от которого она, безусловно, сама получала удовольствие.

– Конечно, дорогая Элли...

В темноте Оливер дотронулся до обнаженного тела развратницы, положил руки ей на талию и притянул к себе ближе. Заставил ее развести ноги и усадил себе на колени. Он еще раз глубоко поцеловал ее и повернулся к мужчине, чтобы сделать тоже самое, прошептав:

– Бен...

Наблюдая за всем этим, я была в недоумении. Значит, с этой парочкой он уже давно встречался и занимался сексом? Тогда выходило, что Бри вряд ли нужна ему для великой любви, о которой грезил сестра, а скорее, для возможности наладить контакты с членами высшего света.

Мне было противно осознавать, что если Бри выйдет за него замуж, то Пикерт станет и дальше морочить ей голову, изображая порядочного семьянина. На деле же, уходя из дому, он станет трахаться в таких вот тайных гнездах с этой семейной парочкой.

Именно трахаться, другим словом я не могла назвать то, что видела. Оливер беззастенчиво повалил дамочку на кровать, устраиваясь между ее бедер и глубоко проникая в нее. Ее муж несколько мгновений вслушивался в сладкие стоны супруги, при этом поглаживая по упругому заду уже бывшего жениха моей сестры. Последней каплей для меня стало то, с какой податливостью Пикерт разрешил Бену зайти к нему за спину, развести ягодицы и легко войти в них членом. Едва немалый ствол проник в Пикерта, мужчина выгнулся назад к любовнику, позволяя тому впиться губами в его шею.

Женщина под Оливером глухо застонала. Ей подобное нравилось, особенно, когда этот «сэндвич» принялся синхронно двигаться.

Для меня это было слишком. Я отвернулась. Противно и брезгливо.

Конечно же, мне приходилось иметь дело с любителями “треугольной” страсти, но подобной мерзости пока видеть не случалось.

Как назло, в комнате усиливался запах вишни. Теперь-то мне стало ясно, какой именно грех нес в себе ее аромат. Кажется, до конца жизни я возненавидела вишню.

Пора заканчивать этот балаган.

Я рывком распахнула дверь, так что ее ручка врезалась в стену. Посыпалась штукатурка.

Включив газовую лампу, я сполна насладились замершей в красноречивой позе троицей.

– Bravo! – медленно и театрально похлопала я в ладоши. – Блестящее представление. Какая страсть, экспрессия, животное поведение...

Дамочка под Пикертом взвизгнула и поспешила выбраться из-под любовника.

Я усмехнулась и, заметив на столе коробку с сигарами, прошествовала к ней. Взяв одну, демонстративно вдохнула терпкий запах табачных листьев. Этот жест хорошо дополнил выбранный мною образ – наглый, беспринципный, хищный. Как и подобает акулам пера, которые так любят разоблачать на страницах желтых газетенок людей, подобных Оливеру.

– Что вам нужно? Кто вы такая? – вскочил с постели Пикерт.

– Я та, кто желает вам только добра... мистер Пикерт, – усмехнулась я, наслаждаясь его зарождающейся паникой и покручивая в руках сигару. – Конечно, не в том виде, в каком проявляют его эти милые люди, но все же...

Бен бросился в мою сторону, наверняка для того, чтобы выпроводить из квартиры. Хотя, судя по настроению его опустившегося и болтающегося между ног дружка, продолжать любовные шалости здесь никому уже не светило. Внезапным появлением я испортила атмосферу этой чудесной оргии.

– Сядьте на место, я не договорила, – беззастенчиво приказала я, и, надо заметить, мужчина с ошарашенным выражением лица послушался. Я даже позавидовала, каким послушным «песиком» обзавелся неудавшийся жених Бриттани.

– Прекратите этот цирк! – закричал Оливер, пытаясь прикрыться простыней.

Теперь его сходство с античным божеством было неоспоримо.

Почти Аполлон.

– У меня к вам аналогичное предложение.

– Что вы имеете в виду?

– Что вам тоже нужно это прекращать, мистер Пикерт, – я почти ласково улыбнулась ему. Правда, судя по вытянувшимся лицам троицы, моя улыбка была больше похожа на оскал. – Я думаю, общественности нашего города будет полезно узнать, чем вы, Оливер, занимаетесь в свободное от ведения бизнеса время. Особенно удивится одна юная особа, которой вы не так давно сделали предложение. Бедняжка наверняка расстроится. Это разобьет ей сердце.

– Олли, эта девушка из газеты? – разволновалась женщина, отбирая покрывало у своего любовника и также пытаясь прикрыться.

– Помолчи, Элейн, – приказал Пикерт.

– Я вас двоих, кстати, не задерживаю, – кивнула я незадачливой парочке. – Можете собираться.

Свидетели мне действительно ни к чему, хотя убивать Пикерта я не собиралась. Всего лишь напугать.

– Мистер Пикерт, я думаю, вам нужно поторопить своих друзей, они будут только мешать нашему разговору. У меня к вам есть деловое предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Не будьте столь уверены...

– Отказа не будет, уверяю!

Чтобы показать твердость своих намерений, я придвинула кресло, стоявшее в углу, и с самым скучающим видом уселась, продолжая смущать взглядом торопливо одевающуюся парочку.

Мой насмешливый взгляд их пугал, я же без стеснения разглядывала женщину и ее мужа, нетерпеливо поигрывая пальцами по подлокотнику кресла.

– Оливер, что происходит? – зашептала женщина, наскоро одеваясь. – Кто эта девушка?

– Хотел бы я знать.

– Тебе точно не нужна наша помощь? – поинтересовался Бен.

Он был несколько обескуражен моей наглостью, но уже начинал приходить в себя.

– Нас двое, мы сможем ее вышвырнуть.

– Я думаю, что смогу справиться с этой пигалицей.

Услышав эту фразу, я вновь усмехнулась.

Вскоре парочка буквально вылетела из квартиры, я услышала, с каким грохотом захлопнулась за ними входная дверь.

– О чем вы хотели поговорить?

Пикерт все так же сидел на кровати, разве что успел одеться.

– О вашей репутации, – вновь улыбнулась я своей самой опасной улыбкой, – и деньгах, которые вы заплатите мне, чтобы я ее не разрушила.

– Что-о? Вы мне угрожаете?

– Предупреждаю о последствиях. Сейчас я вам кое-что объясню, мистер Пикерт, чтобы мы понимали друг друга немного лучше. Не так давно вы приехали в наш городок с целью расширения бизнеса, и кое-кому это не понравилось. Нет, вас не считают угрозой или крупной рыбой, но даже мелкой прибылью с вами делиться не желают. Поэтому мне заказали на вас разгромную статью в одну из газет

нашего скромного городка, с описанием всех ваших афер и даже вредных привычек. Как профессионал своего дела я обещаю, что передовица с вашим именем уничтожит не только бизнес, но и вашу жизнь до основания. Но всего этого можно избежать! Вам нужно лишь продать бизнес и уехать из этого города.

– Да вы издеваетесь, – он возмутился, вскочил с кровати и принялся нервно расхаживать по комнате взад-вперед.

Мне стоило признать, была я наугад. Все, что я знала о делах Оливера, так это то, что он, как и мой покойный отец, занимался судоходством и рыбной ловлей. В свое время у папы были десятки судов, у Пикерта же насчитывалось несколько посудин, приносящих исправный доход. В основном это были лодки, базирующиеся в столичных доках, однако с этого года Оливер решил расширяться и заняться пассажирскими перевозками, для чего и приехал в наш город. Он прикупил несколько круизных катеров и теперь планировал пустить их на маршруты. Я же ему намекала продать лодки и уехать восвояси. По-хорошему намекала, не хотелось мне с ним пока по-плохому.

– Мистер Пикерт, вы должны понять, что после моей статьи молва о вас разнесется повсюду. Как вы думаете, согласится ли кто-нибудь из светских персон заключить с вами сделку, после того как узнает, какими извращениями вы здесь занимаетесь?

– Половина из них сами далеко не ангелы!

– Зато ангел ваша невеста. Я видела ее. Мисс Бриттани такая невинная крошка. Ваша насыщенная интимная жизнь станет для нее настоящим шоком, а уж что скажет ее мать – и подумать страшно. Пусть вас не вводит в заблуждение милый вид этой дамы, она сотрет вас в пыль, используя связи с высшей аристократией.

Я говорила нарочито медленно, старательно запугивая Оливера, чтобы прочувствовал, что именно ему грозит.

– Сколько вы хотите за молчание?

– Много, очень много денег. Меня устроит сумма с пятью, а может быть и с шестью нулями.

Он даже руками всплеснул от моей наглости.

– Вы с ума сошли. Откуда у меня такие деньги?!

– Продайте бизнес и бегите из города, – равнодушно пожала плечами я. – Так, чтобы духу вашего здесь не было.

Он шумно втянул носом воздух, сжал губы, его лицо налилось кровью:

– Я достану вас...

– Мистер Пикерт, все, что вы могли достать, вы уже достали сегодня из своих штанов. Угрожать мне не следует. За мной стоят влиятельные люди, которые уберут вас, если не согласитесь выполнить условия. Каким образом – решать вам, но мой вам совет: покиньте город немедленно, иначе вам придется покинуть этот мир!

– Хорошо, я сделаю, как вы говорите. Но я могу надеяться на отсрочку хотя бы в один-два дня, чтобы завершить свои дела?

Я вскинула бровь.

– Мне казалось, продать бизнес можно и из соседнего города, или вам что-то непонятно в словах «покинуть город немедленно»?

– Это бизнес, журналистская твоя морда, – рыкнул он на меня. – Я не собираюсь продавать лодки по дешевке. Нужно отбить хотя бы вложенные в них средства.

Пришлось поцокать языком. Признаться, я все же рассчитывала, что под незавершенными делами он подразумевал помолвку с Бри. Вдруг бы у него хватило совести расстаться с ней по-человечески?

Но, похоже, Оливер в моей сестре не видел ничего, кроме красивого личика и связей нашей мамочки. Я злилась, и от этого едва держала себя в руках.

– Завтра вас не должно быть в городе, – безапелляционно сообщила я. – Или я опубликую статью.

– Нет, постойте! – статьи он все же боялся.

Мужчина начал шарить по карманам пиджака, пока не извлек оттуда уже знакомую мне бархатную коробочку.

– Только не говорите, что собрались позвать меня замуж, – усмехнулась я, глядя, как мне в руки пытаются засунуть кольцо Бри.

– На такой как вы – никогда. Это плата за отсрочку статьи, – кольцо все же перекочевало ко мне. – Продадите, выручите немалую сумму, а взамен позвольте мне несколько дней отсрочки.

Очень хотелось затолкать этому подонку кольцо в глотку. Даже не знаю, как сдержалась. Да, я убивала и не таких гадов, мне ничего не стоило свернуть Пикерту шею прямо сейчас.

Но что я получу взамен? Бри, которая замкнется в себе и наденет траурное платье, оплакивая кончину жениха? Вот уж нет, не хочу.

Кольцо я все же взяла. Черт с ним, продам. Глупо отказываться от подобного, тем более в ситуации, в которой находилась моя семья. Слишком много счетов, которые нужно оплачивать.

– У вас время до завтрашнего вечера, – сквозь зубы процедила я. – И еще кое-что. Перед отъездом вы должны подчистить за собой.

– Дела с бизнесом я улажу.

– Вы должны разорвать помолвку. Тем более что сейчас вам будет явно не до нее. Напишите письмо, придумайте что-нибудь, чтобы причинить бедняжке наименьший вред.

Пикерт нахмурился, на его лице мелькнула тень сомнения.

– Какое вам дело до дочери баронессы?

– Это не должно вас волновать, просто делайте, что приказано, – рыкнула я.

– Значит, все дело в этой дряни! – в мыслях Пикерт явно связал Бри с мифическим заказчиком. – И зачем я вообще связался с их проклятой семейкой?

– Держитесь от них подальше! Помните, что неугодных убирают, – заявила я, вставая с кресла. – Всего доброго, мистер Пикерт, и прощайте!

Выйдя на улицу, я бросила взгляд на окна тайной квартиры Пикерта и его любовничков. Он стоял и не сводил с меня глаз, наверное, мечтая, что из-за угла выйдет парочка отморозков и безжалостно расправится со мной прямо под окнами, на глазах у него. Безусловно, мерзавец получил бы наслаждение от увиденного. Ведь в данном случае он был бы не причастен к моей смерти, а, следовательно, расправа ему не грозила. Но готова поспорить, этот трус все равно бы покинул город, потому как по сценарию весь компромат находился у тайного заказчика. Он купился на мою историю, а значит, и без моих угроз Оливеру было чего бояться. Рыльце Пикерта уже давно пряталось не просто в пушку, а в полноценной недельной щетине. Но мне уже было все равно, копать под него дальше не хотелось. Он не убийца, а его вишневый запах оказался всего лишь ароматом порочных связей с семейной парочкой.

Решив доиграть роль до конца, я послала ему воздушный поцелуй – награду за беспрекословное послушание. Не сомневаюсь, Пикерт сделает, как я сказала, а значит, завтра Бриттани станет свободной девушкой. Не скажу, что этот факт радовал меня, но это гораздо лучше, чем обнаружить «скелеты» Оливера уже после свадьбы с сестрой. Я дала себе обещание, постараться помочь сестре пережить предательство, ведь Бриттани еще никогда не приходилось сталкиваться с подобным.

В скором времени шаг пришлось ускорить. Рассвет близок, а значит, и мое новое личико с острыми скулами, точеным миленьким носиком и чувственными губами должно исчезнуть. Но больше всего мне было жалко невероятно рыжие волосы, напоминающие языки пламени. Благодаря им я действительно почувствовала себя той, за кого себя выдавала. Хитрой хищной лисой-журналисткой.

Зайдя в ближайший проулок, я решила на всякий случай сменить внешность на совсем неприметную, значительно добавив себе возраста. Даже если меня кто-то и увидит, то подумает, что старушка попросту страдает бессонницей и ищет одну из своих кошек. Кто поймет этих пожилых дамочек с их непостижимыми нравами!

Домой, впрочем, как и всегда, я успела вовремя. На улице не было ни души, все беззаботно спали, им не было никакого дела до моей ночной жизни. Да это и к лучшему. Чем крепче их сны, тем спокойнее протекают мои дни.

Обессиленная, я рухнула на кровать и тоже уплыла в царство беззаботных снов.

* * *

Проснувшись я из-за солнечного зайчика, настойчиво скачущего по моему лицу. Негоднику хотелось, чтобы я поскорее открыла глаза и увидела его, такого шального и неугомонного. Этой ночью мне все же ничего не приснилось. Я просто провалилась в сон, позабыв о вчерашних проблемах в лице Оливера Пикерта.

Встав с кровати, я приняла ванну, привела себя в порядок и спустилась вниз.

В доме царила тишина, словно все вымерли.

Пришлось искать, куда запропалились мои родственники.

Матушка обнаружилась в саду. Она ухаживала за новыми розами, привезенными из путешествия какой-то подругой, Эмили вдохновенно пыталась изобразить что-то на мольберте, а Бри читала роман модной писательницы, о таланте которой гудел весь высший свет.

– О чем она пишет? – спросила я, пытаюсь завязать разговор.

– О любви, о чувствах, – произнесла сестра, не поднимая взгляда от книги. – История просто удивительная, не могу оторваться.

– Ах, Бри, какая же ты романтичная!

– Разве это плохо?

– Порой это очень больно.

– Что именно больно? – не поняла она. – Влюбляться?

– Склеивать кусочки растерзанного сердца.

– Роззи...

– Ты помнишь, что сегодня мы должны посетить выставку Мишеля? – вовремя перебила я. – Он наверняка ждет и будет рад нас видеть. Мы так давно никуда не выходили вдвоем. А мамочка останется вместе с Эмили дома, в надежде, что Мишель не отпустит нас с пустыми руками и передаст ей одну из своих картин.

– Как ты думаешь, наш художник уже догадался о коварстве матушки? – намеренно громко произнесла Бри, следя, как отреагирует родительница, обрезающая секатором колючие кусты.

– Девочки, я все прекрасно слышу, – ответила она, демонстративно чикнув острыми лезвиями в воздухе. – Разве можно отказать человеку, желающему преподнести мне подарок? Разумеется, нет. Ведь неосторожным отказом я могу нанести тонкой душевной организации мальчика непоправимый вред.

Даже Эмили рассмеялась. Ее звонкий голосок разлетелся по саду, словно тысячи мелодичных колокольчиков.

– Ну-ну, мамочка, – прокомментировала она. – Эти благодарности скоро будет некуда вешать.

– Что б ты понимала, Эми, – баронесса вернулась к розам. – Мишель талантлив, как бог. Это сегодня он выбивает залы, не соответствующие его таланту, и рисует портреты на заказ, порой за сущие пустяки. Но через двадцать лет его работы будут стоить миллионы. Вот увидите.

– Откуда такая уверенность? – я заломила бровь и уставилась на родительницу.

– Месяц назад я отправила картину Мишеля в подарок герцогу Бранду. В столице оценили талант нашего мальчика. Бранд хвастался этим подарком многочисленным гостям, и, что неудивительно, пейзаж произвел фурор. Аристократы столицы уже мечтают заполучить работы Мишеля в свои коллекции, тем более что пока они стоят не так дорого по меркам высшего света.

– То есть ты передарила подарок Мишеля какому-то герцогу? – не совсем одобительно отозвалась на действия матери Бри. – Это невежливо.

– Это благодарно, – не согласилась баронесса. – Я помогла мальчику и обеспечила его заказами. Протекция в наше время весьма важна.

– Никто и не спорит, – отозвалась я, про себя же слово «протекция» проклинала.

Не жаждал бы Пикерт ее от моей матери, на сестру бы и не взглянул. Я вспомнила про вчерашнее кольцо, которое он мне с такой легкостью отдал, и меня передернуло.

Не ценил Оливер чувств Бри, иначе не расстался бы с драгоценностью.

В этот момент из глубины дома раздался звон, кто-то подошел к входной двери и настойчиво трезвонил в колокольчик. Мы же, находясь в саду со стороны внутреннего двора, этот перезвон едва слышали.

– Кажется, кто-то пришел, – подскочила Эми. – Я открою.

Она отложила кисти и едва ли не вприпрыжку ускакала в дом. Отпустить ее одну мне не хотелось, все же она еще крошка в моем понимании. Пришлось пойти за ней.

Я опасалась, что за дверью окажется Пикерт, мало ли какая гадость взбредет ему в голову напоследок, но на пороге стоял посыльный. Скользнув взглядом по Эмили, он передал запечатанный конверт мне.

Сестра насупилась, за что удостоилась от меня укоризненного шепота:

– Вот вырастешь, и тебе будут важную корреспонденцию отдавать.

Закрыв двери, я вчиталась в адрес письма.

Как я и думала – “Баронессе Бриттани Клейтон”.

Стало быть, от кого – тоже понятно. Моя рука немного дрогнула, ведь придется лично вручить конверт с дурными вестями Бри. Наверное, это была моя расплата за содеянное, но я не раскаивалась. Так будет лучше для всех.

В саду все так же пели птицы, хотя мне показалось, что некоторые из них сменили восторженный гомон на более минорный тон.

– Бри, это тебе, – сохраняя как можно более спокойное лицо, протянула я конверт сестре.

Она с интересом вскинула голову и с недоумением отложила книгу.

– От кого? – спросила, беря письмо, и тут же сама ответила. – Странно, обратного адреса нет.

Сестра задумчиво развернула конверт и вытащила сложенный вчетверо листок. Я быстро юркнула ей за плечи, чтобы прочесть послание вместе с ней. Бри моему своенравию не возражала.

“Дорогая Бриттани!

Дни, проведенные с Вами, были для меня подарком судьбы. Я благодарил Бога за нашу встречу и буду благодарить, ведь именно Вы стали моей путеводной звездой к счастью. Но вчера вечером я получил приглашение от родственника, проживающего в Индии. Старик уже давно страдает от неизлечимой болезни и срочно нуждается в преемнике, готовом принять его дела и продолжить бизнес.

Моя дорогая, я не имею права предлагать Вам поехать со мной. Старик – закоренелый холостяк и не приемлет браки. Как он говорит: “Они отвлекают от

бизнеса. Человек, который хочет добиться многого, должен быть совершенно свободным от обязательств”.

Вы посчитаете меня циничным и продажным негодяем, но я вынужден отказаться от своего предложения руки и сердца. Прошу простить меня и не держать зла. Прощайте!”

Руки Бри опустились. Она и сама словно обмякла. Если б не я, стоящая у нее за спиной, сестра и вовсе рухнула бы на землю.

– Это письмо от мистера Пикерта! – произнесла она слабым голосом, едва я усадила ее на плетеный диванчик из ротанга и сама присела рядом.

Ее взгляд был устремлен в пустоту, а весь вид выражал шок, недоверие и недоумение.

– Боже, какой он романтик, – обрадовалась матушка, неверно истолковав поведение сестры и приняв его за своеобразное проявление радости. – Пишет своей возлюбленной письма, изнывая от нетерпения узнать ответ.

– Он отказался от предложения, – почти прошептала Бри.

– ЧТО? – пожалуй, крик разъяренной матушки могла слышать вся округа. – Как он посмел? Да что этот молокосос о себе возомнил?

Бриттани протянула письмо, а мама, не снимая испачканных перчаток, начала читать.

– Немыслимо, – заключила она. – Бросить мою малышку... Что теперь с нами будет?

– Мама, прекрати немедленно, – возмутилась я, впери в нее уничтожающий взгляд. – Даже в такие минуты ты умудряешься думать о деньгах.

– Как и Пикерт, – не выдержала Бри и разревелась на моем плече. – Роззи, это проклятие!

– Бри, не говори глупости. Твой жених оказался подонком, как, впрочем, и мой когда-то. Просто кто-то... – на миг я задумалась, подбирая слова. – ... на Небесах вовремя уберег тебя от ошибки.

– Но я же успела его полюбить.

– Это всего лишь влюбленность, – пыталась убедить я, но сестра была безутешна.

Спустя час истерики и море пролитых слез Бри все же начала успокаиваться.

– Скажи, Роззи, как ты смогла пережить смерть мужа?

– Нелегко, – в ответ я вложила все эмоции, которые принесли мне эти отношения.

И в моем случае это была не боль утраты по безвременно почившему супругу.

Мне пришлось пережить слишком многое за тот короткий срок, что я была с ним в браке. И как же мне повезло, что я смогла освободиться из плена. Даже моя мать в этой ситуации оказалась в проигрыше. От моей свадьбы с бароном наша семья получила сущие гроши. Основное состояние старик оставил в наследство детям от предыдущих браков. Он не успел, а может быть, и вовсе не собирался включить меня в завещание. В браке, на который возлагала столько надежд моя мать, выиграл только он, а я осталась всего лишь молодой игрушкой надменного аристократа.

Со временем я простила мать, а вот Вивальда проклинала до сих пор!

– Девочки, вам ни в коем случае нельзя впадать в уныние, – мама пыталась сохранять наигранный оптимизм в попытке подбодрить сестру.

– Бри, мама права, – подхватила я, понимая, в какую сторону мне нужно двигаться.

– О чем ты?

– Мы, как и планировали, должны отправиться на выставку Мишеля и поддержать нашего друга в трудную минуту, – я давила на самое больное – на порядочность. – Мы же не бросим его на растерзание светским пираньям? Тем более еще вчера я написала ему письмо, в котором подтвердила наш приход.

Конечно же, я соврала, никакого письма не было, но об этом Бри вряд ли узнает.

– Но мне сейчас так плохо.

– Доченька, творчество Мишеля развеет твою грусть. Приобщишься к прекрасному, тебе станет легче на душе, возможно, даже встретишь новых интересных людей. Не стоит запира́ть себя в четырех стенах из-за какого-то мерзавца Пикерта!

– Хорошо, – сдалась она. – Я пойду с Розалиндой.

До выхода из дома Бриттани все же мучилась вопросом: стоит ли ехать на выставку?

Она несколько раз передумывала и решала, что правильнее будет остаться дома и пропустить вечер. Но матушка была неумолима. Своей настойчивостью она почти выставила сестру из дома, наказав не возвращаться без хороших эмоций.

А вот на моей душе было прескверно. Вина за состояние Бри полностью лежала на мне, и в то же время я оправдывала себя заботой о сестре. Пусть лучше так, чем мучиться из-за неудачного брака, как это делала до сих пор я.

Мы с Бри сели в нанятый экипаж друг напротив друга. Я тайком наблюдала за сестрой, пытаюсь понять, где витают ее мысли. Она смотрела в окно с задумчивым видом и нервно перебирала складки розового ридикюля в тон платью.

– Знаешь, – начала я. – Я иногда жалею, что барон Клайвшот не разорвал со мной помолвку. Моя жизнь сложилась бы совсем иначе, не будь той свадьбы. Возможно, сейчас я была бы замужем за хорошим человеком. А этот тиран не остался бы прожженной дырой в полотне моей судьбы...

Бри посмотрела на меня чересчур внимательно, ведь я так редко говорила о муже. Кому, как не сестре, знать, что для меня эта тема весьма болезненна.

– Как и Пикерт, Вивальд казался нашей матушке достаточно обаятельным человеком. Член городского совета, почетный и солидный гражданин, а уж сколько у барона было денег – не счесть. Неудивительно, что матушка попала под его обаяние и поверила, что замужество с ним даст мне отличный старт в жизни. Она очень надеялась поправить дела семьи за счет его денег. И ее можно понять, ведь после смерти отца она осталась практически одна с тремя дочерьми на руках и призрачными надеждами на светлое будущее. Она искренне считала, что дарует мне счастье, и никто не виноват, что она ошиблась. Как только я переехала в дом барона, Вивальд показал свою подлую натуру. Этот старый змей сбросил шкуру, когда убил моего пса, заявив, что беспородные шавки ему в доме не нужны. Он ведь и в жены меня взял только потому, что я была юной и знатной. Ему льстило, что он сумел обзавестись подобной “игрушкой”, учитывая его возраст.

– Мерзавец...

– В нашу первую и единственную брачную ночь он вел себя, как голодный зверь. Я просила его дать мне время, но Клайвшоту было все равно. Ему хотелось обладать мною, навсегда остаться моим первым мужчиной. Бри, я не хочу такой участи для тебя. Пусть Пикерт катится ко всем чертям! Единожды променяв тебя на деньги, он будет поступать так снова и снова. Ты достойна лучшего и не должна даже в мыслях принадлежать ему. Попытайся жить дальше!

– Я постараюсь, – в глазах сестры мелькнуло согласие.

Она не была глупой девочкой и сама все прекрасно понимала. Бри молода и красива, у нее еще будут десятки кавалеров. Просто сейчас ей было больно. Предательство – это всегда боль.

– Вот и правильно, – я решила закрепить действие терапии и напомнить о хорошем. – Сейчас мы приедем на выставку и проведем там время с удовольствием. Матушка не простит нам, если мы упустим что-то важное и не расскажем ей об этом.

Галерея, где проходил вернисаж Мишеля, располагалась в самом центре города. Экипаж остановился у центрального входа выставочного зала, и возница, спустив подножку, помог мне и Бри выбраться из кареты. Поблагодарив, я расплатилась, а после, подхватив сестру под руку, двинулась навстречу искусству.

В свет я выходила крайне редко. Носящим траур не положены увеселения, но сегодня было скорее исключение из правил. Не пойти на выставку к Мишелю я не могла, что же до пересудов почтенных матрон, которые обязательно заметят мой черный наряд, то их я уже давно не боялась. Скорее наоборот, наслаждалась слухами о моей ненормальности. Какая девушка будет носить траур больше семи лет, ведь любая другая давно бы уже сняла его и вышла замуж повторно. Но я не любая, и второй раз на те же грабли я наступать не собиралась.

Мишеля Лонтье мы заметили издалека. Тонкоусый француз встречал гостей, обменивался с ними приветственными словами, сопровождал к особо интересным работам, но раз за разом отвлекался на вновь подошедших к нему знакомых.

Вот и мы двинулись выразить свое почтение художнику, однако уже на подходе он заметил нас первым:

– Chers amis, как я рад видеть вас, – он поцеловал мою руку, а затем прикоснулся губами к пальчикам Бриттани. – Вы просто не представляете, как скучно с напыщенными снобами. Мне кажется, что даже муза не смогла выдержать всего этого пафоса и покинула меня. Вы должны спасти меня и быть рядом весь вечер. Молю вас, спасите!

– Конечно, Мишель, – улыбнулась я, разглядывая причудливый наряд художника: зеленые брюки на красных подтяжках, разноцветную рубашку и бордовый берет, из-под которого выбивались черные вьющиеся волосы. – Именно за этим мы здесь.

– О, как благородно с вашей стороны, – Мишель театрально приложил ладони к сердцу. – Взамен просите что угодно!

– Мы не отказались бы от твоей личной экскурсии по выставке.

– Это меньшее, что я сумею для вас сделать. Хотите шампанского?

Он подозвал официанта и взял с подноса бокалы.

Напиток оказался приятным, с легкой кислинкой. Я даже не удержалась и пригубила его второй раз чуть быстрее, чем того требовали правила.

Идя по залу, Лонтье рассказывал нам о картинах, показывал пейзажи, натюрморты. Но не они составляли основу его коллекции. Жемчужинами являлись портреты. Настолько яркие и реалистичные, что захватывало дух. Казалось, перед нами множество окон, за каждым из которых сидят живые люди. Приложи руку к холсту, и реакция человека на нем не заставит себя долго ждать.

– Потрясающе, – восхитилась я. – Мишель, за свой талант ты продал душу дьяволу?

– Почти, – усмехнулся он, отпивая из бокала игристое. – Кстати, дорогая Бриттани, взгляните вон туда.

Художник указал на противоположную стену, где висел портрет. На нем была изображена моя сестра.

Нежный, вдохновленный мечтами образ. В легких белых одеждах на фоне рассветного пейзажа она протягивала руку бабочке, которая спустя мгновение должна была опуститься на ее ладонь.

– Почему ты не сказала мне, что позировала для Мишеля? – удивилась я, радуясь неожиданному сюрпризу.

– Мишель попросил молчать, – Бри смущенно опустила взгляд в пол. – Сказал, что вы с матушкой должны увидеть все своими глазами, а мои слова лишь испортят первое впечатление.

– Эффект неожиданности! – заметил он. – К слову, а где же сама баронесса Клейтон?

– Осталась дома приглядывать за Эмили, – ответила я, подходя ближе к полотну. – Но когда вы успели создать картину?

Я перевела строгий взгляд на Бри, желая услышать ответ.

– Помнишь, несколько недель назад я сказала, что собираюсь навестить подругу? – затараторила она, явно чувствуя неловкость за обман. – На самом деле, это Мишель пригласил меня для написания портрета.

– Бри, да ты негодница! Если в следующий раз ты скажешь, что решила посетить одну из подруг, я обязательно уточню, нет ли у нее усов, – рассмеялась я, наблюдая, как сестра краснеет.

– Мне нужно... припудрить носик, – произнесла она, окончательно залившись краской, и тотчас же скрылась.

Я пронаблюдала, как ее розовый наряд мелькнул среди многочисленных гостей и скрылся в коридорчике, ведущем в дамскую комнату. Мгновение я раздумывала, стоит ли бежать за ней, вдруг Бри, оставшись с собой наедине, вновь начнет оплакивать неудавшуюся помолвку, но, решив, что дело все же в смущении перед Мишелем, я осталась в зале.

– Дорогой друг, – вернула я свое внимание художнику. – Твой портрет пришелся как нельзя кстати, у бедняжки трудное время, и ей очень важны хорошие эмоции.

– Я могу чем-то помочь?

– К сожалению, ей поможет только время. Дела любовные!

– Понимаю, – он тяжело вздохнул с такими сокровенными нотками в голосе, что я невольно обеспокоилась: а все ли в порядке у самого Лонтье?

– У тебя тоже что-то случилось? – поинтересовалась я, проникновенно заглядывая в его глаза.

Мгновение Мишель сомневался, отвечать или нет, но все же с некоторым смущением признался:

– Глядя на Бриттани, я вспомнил об одном заказе, от которого, вероятно, придется отказаться, – весьма раздосадованно произнес он. – Мне предложили хорошие деньги, но я не могу найти подходящей натурщицы для столь щекотливой задумки.

Сначала я нахмурилась, уж не Бриттани ли Лонтье хотел склонить к позированию в этой самой щекотливой задумке. Но, прочитав на моем лице недовольство и верно истолковав его, Лонтье поспешил разубедить меня. Мишель почти подпрыгивал на месте от переполняющего его волнения.

– Роуз, Бри совершенно ни при чем, я даже не собирался предлагать ей ничего подобного. Твоя сестра, несомненно, красивейшая из девушек, но заказчик достаточно подробно описал типаж, который следует изобразить на картине. Проблема в том, что ни одна из моих знакомых не похожа на этот образ...

После моих сомнений по поводу Бри Мишель начал медлить с рассказом, словно обиделся.

– А если поговорить с той, чей именно портрет заказан? – предложила я. – Или заказчик выдумал девушку из воздуха?

– Как говорит клиент, эта леди находится очень далеко и лишена возможности приехать. Я в панике. Мне нужна модель... для обнаженного образа. Я готов хорошо заплатить, лишь бы найти ту, которая будет напоминать описание. Хоть тысячу фунтов!

Я едва не потеряла дар речи, услышав сумму. Даже в мыслях не могла представить, сколько будет стоить сама картина, если художник готов отдать такие деньги за позирование. Конечно, подобный заработок может стать смертельным ударом по репутации любой леди, согласившейся на эту аферу. Тем не менее, у меня появилась одна мысль!

– Неужели в нашем городе нет ни одной подходящей натурщицы, даже в академии искусств? – начала издали подбираться я к главному.

– Нет, внешность слишком экзотична для наших мест. Никогда не встречал подобного образа.

– И что же такого особенного в этой девушке?

– Это брюнетка с пышными вьющимися волосами, миндалевидными голубыми глазами, чуть вздернутым носиком и пухлыми, почти алыми губами. Высокая упругая грудь. Тонкая талия и пышные бедра, – художник не стал усложнять описание пафосными фразочками. – Кожа слегка смуглая, типаж восточный. Теперь-то ты понимаешь, Роуз, как сложно в этом царстве белых нежных бутонов, – он обвел рукой зал, где было так много приглашенных дам, – найти столь яркий, агрессивный и наверняка ядовитый цветок!

Я растерянно кивнула, соглашаясь. И все же мне было не по себе, в описании я узнала одну из своих масок.

Однажды мне приходилось “носить” нечто подобное, когда я охотилась за Себастьяном. И вот сейчас Мишель ищет натурщицу с до боли знакомой внешностью. Совпадение ли это?

– А кто твой заказчик?

– Один меценат из столицы. Весьма состоятельный человек. Он уже не раз заказывал у меня картины, но это первая за столь огромные деньги.

– И что, даже имени его не скажешь? – любопытствовала я, на деле желая убедиться, что изобразить образ брюнетки на картине будет безопасно.

– Он пожелал остаться инкогнито. Да и вряд ли тебе что-то скажет его имя. Как я понял, этот господин ведет достаточно замкнутый образ жизни, он даже мои картины запирает под замок и любуется ими исключительно в одиночестве.

Мое личико опять сделалось хмурым. Что ж это за заказчик такой таинственный, который не спешит созывать гостей, чтобы похвастаться очередным приобретением? Обычно столичные богатеи предпочитали сделать из каждого пополнения своих коллекций редкостное представление и показать гостям свой статус. Поддержать, так сказать, репутацию ценителя искусства в обществе.

Но, по словам Мишеля, выходило, что его клиент делиться прекрасным не желал ни с кем. Фантазия мгновенно нарисовала образ дряхлого старикашки, который уже устал от светской жизни и теперь чахнет над своими сокровищами в одиночестве. Собственно, меня это более чем устраивало.

– У меня есть подруга, – не очень уверенно произнесла я. – Она похожа на ту, что ты ищешь. Я бы могла поговорить с ней, но есть одна проблема.

– Какая?

Мигель мгновенно забыл про все невзгоды и живо заинтересовался призрачной возможностью заполучить натурщицу.

– Ее родители крайне строгие люди. Настолько, что, если они узнают о позировании, бедняжке несдобровать.

– Я, как и мой клиент, гарантируем, что никто не узнает о девушке. Картина будет храниться в графском доме. Ой... – Мишель осекся, понимая, что от волнения случайно раскрыл титул заказчика. – Только не говори никому!

Мне же стало немного спокойнее. Всех старых графов нашей страны я знала наперечет, не так много их осталось, а в столице так и вовсе жил один – почтенный Таминус. Он действительно был одиноким и дряхлым, того и гляди – отправится на тот свет. Матушка всегда отзывалась о нем весьма положительно, меж тем переписку они не поддерживали уже более пяти лет. Мама говорила, что причина в здоровье графа.

Картинка в моей голове сложилась окончательно. Для умирающего дворянина можно попозировать, он точно не станет созывать гостей любоваться новой работой провинциального художника. Что же до того, если граф умрет, то я помнила – прямых наследников у него нет, а значит, пока будет грызня за состояние между стервятниками-родственниками, про картину и вовсе забудут. Тяжбы по наследованию занимали порой не один десяток лет.

– Если я уговорю ее тебе помочь, – таинственно прошептала я, заговорщически подмигивая, – то она придет завтра после заката, ведь ей придется сбежать из дому, чтобы попасть в твою мастерскую.

– Чудесно, – обрадовался он. – Это будет просто замечательно. А знаешь что, Роззи, когда-нибудь я напишу твой портрет и назову его “Прекрасная спасительница”. Конечно, если ты согласишься позировать мне.

Лонтье крутился вокруг меня, как умасленный любимым лакомством кот.

– Не торопи события, – я усмехнулась, как он быстро у него менялось настроение. – Я еще ничего не сделала. Кстати, где моя сестра? Надеюсь, Бриттани не сбежала тайно и не уехала с выставки.

На миг я даже перепугалась. Бриттани находилась в таком непредсказуемом состоянии, что могла выкинуть все что угодно, даже улизнуть домой. Но девушка уже спешила к нам, сияя от счастья.

– Простите, но почитатели твоего таланта, Мишель, просто осыпали меня комплиментами. Было неловко убегать от каждого из них, поэтому мне приходилось уделять внимание всем.

– Кажется, кто-то снискал славу, – наблюдать за счастьем сестры было одним удовольствием. Как же удачно все сложилось, внимание и комплименты быстро поправили душевное равновесие Бри. – Скажи, Мишель, ты намеренно сделал мою сестру звездой своей выставки, или всему виной ее природное обаяние?

– Это не я сделал ее звездой, это она, богиня, ведет меня на Олимп.

– И вовсе я не богиня, – засмушалась она, опустив взгляд.

Безусловно, благодаря сегодняшнему вечеру ей удалось отвлечься от любовных переживаний. Портрет, написанный Мишелем, преобразил сестру и хотя бы на время вернул ее к жизни.

Мы еще около часа бродили с ней по залу, разглядывая многочисленные картины. То и дело к Бри подходили незнакомые джентльмены и, не в силах сдержаться, выражали восхищение ее красотой. Меня в черном траурном платье большинство из них как будто не замечали, отделавшись вежливым кивком, лишь двое из общей массы соизволили подарить скромной вдове Клайвшот дежурный комплимент. Мысленно я поставила галочку их поведению и

воспитанию. Если когда-нибудь наши судьбы еще пересекутся – эта вежливость пойдет им в плюс.

– Мишель, мне неловко об этом говорить, – подходя к художнику по окончании вечера, произнесла я. – Но нам с Бриттани пора домой. Матушка будет волноваться, если мы вернемся под покровом ночи.

– Я был безумно счастлив лицезреть вас. Завтра же пришлю посыльного, который доставит портрет прекрасной Бриттани, – он поцеловал сестре руку, и Бри вновь зарделась.

Попрощавшись с художником, мы покинули выставку и сели в один из пойманных экипажей. Путь до дома предстоял неблизкий, поэтому я решила воспользоваться этим временем для разговора. Тем более что Бри была в самом благодушном настроении, ей с трудом удавалось скрывать мечтательную улыбку.

– Давай не будем говорить матушке о твоём портрете, – предложила я. – Иначе эту ночь она проведет без сна. Пусть картина станет для нее приятным сюрпризом.

– А? Что? – своим предложением я будто спустила Бриттани с небес на землю. – Конечно.

– О чем говорили с тобой... поклонники?

– Какие у меня могут быть поклонники?! – удивилась она. – Просто Мишель поставил портрет туда, где было самое удачное освещение. Это придало полотну нечто особое.

– Не скромничай и говори как есть.

– Ко мне подошел журналист из местной газеты и задал пару вопросов. Кем я прихожусь Мишелю? Как мы познакомились? Позировала ли я раньше для него? Он пообещал, что в завтрашнем номере на главной полосе будет большой обзор об этой выставке.

– Это же замечательно, – изумилась я вслух, про себя же не очень обрадовалась будущему вниманию к моей семье. А оно обязательно будет после такой статьи.

Экипаж остановился у входных ворот нашей усадьбы. Окрыленные приятными чувствами после выставки, мы с Бри буквально выпорхнули из него.

Настроение было прекрасным, а тело после выпитого шампанского – легким.

– Какой же прекрасный сегодня вечер, – Бри полной грудью вдохнула прохладный воздух. – Так свежо.

Весь ее вид выражал счастье. Я невольно усмехнулась.

– Мы бы с тобой еще погуляли, но, боюсь, матушка не погладит нас по головке за столь поздние прогулки.

– Как жаль, – расстроилась Бри.

Я распахнула перед ней стальную створку ворот, позволяя юркнуть на территорию сада, и сама скользнула следом. Но прежде, чем прикрыть ворота, увидела, как к дому приближается наш новый постоялец – детектив Лорн.

Выглядел он уставшим, слегка помятым, и наверняка возвращался с работы. Живя по соседству с констеблем Буллетом, я уже привыкла, что со своими полицейскими делами Сэм нередко задерживался на службе.

Мне вдруг резко захотелось хлопнуть калиткой прямо перед носом детектива, но это было бы слишком ярким проявлением моего недовольства по отношению к нему. Потому пришлось сдерживаться и вежливо дожидаться, пока мужчина подойдет ближе.

– Добрый вечер, леди, – поздоровался он, заведя меня и Бри у ворот.

– Здравствуйте, господин полицейский, – хором отозвались мы.

Я попыталась взять сестру за руку и увести по дорожке к дому, раз правила вежливости уже были выполнены. Но у развеселившейся Бри, кажется,

проснулось настроение пообщаться.

– Как дела на вашей работе? – спросила она, очаровательно улыбаясь. – Кого-нибудь поймали?

– К сожалению, пока нет, – он покачал головой.

– А кого ловите? – не унималась Бри.

Она восторженно заглядывала в лицо детектива, я даже забеспокоилась, еще не хватало, чтобы она в него влюбилась.

– Это является тайной расследования, – улыбнулся Лорн.

Мы медленно шли по дорожке к дому. Я молчала, Бри же тараторила хуже трещотки.

– Ну право же, детектив Лорн, о какой тайне может быть речь в нашем городке? Если не завтра, то послезавтра новости будут в газетах, и уж тогда ваше расследование точно не останется секретом.

Следователь на мгновение призадумался. Все же не признавать правоту Бри было бы глупо. Приезд Лорна могли не заметить в самом начале, но чем дольше он в городе, тем больше любопытных особ будет к себе привлекать.

– Наверное, вы правы. Скрывать бессмысленно, – без улыбки ответил он. Детектив выглядел весьма серьезно. – Тем более что девушкам, которые, как вы, гуляют поздно вечером, владеть такой информацией будет полезно.

После этой реплики я насторожилась: странные нотки в голосе Лорна мне не понравились.

– В городе появился серийный убийца, – пояснил Ричард. – Все его жертвы – мужчины, однако это не означает, что следующим трупом не окажется милая девушка.

– Серийный?! – взвизгнула Бри. Она плотнее схватила меня за руку и прижалась ближе. – Неужели жертв много?

– Именно так, – кивнул Лорн, останавливаясь на пороге гостевого домика, до которого мы дошли. – Все жертвы объединяет одно: их тела больше похожи на иссушенные мумии, чем на обычный труп.

Увидев непонимание на лице Бри и мое изумление, Ричард пояснил:

– Представьте, что перед вами стоит достаточно молодой и полный сил человек. А спустя час он становится похож на старика, а потом и вовсе на обезвоженный сухарь.

Все поплыло перед глазами. Мне показалось, что на миг я уснула и вижу страшный сон. Лорн занимается расследованием моих ночных походов! Выходило, что убийствами всех этих мерзавцев заинтересовалась полиция, да к тому же пригласила специалиста из Лондона. Я не могла поверить в это!

– Я пока не понимаю, как именно маньяк добивается подобного эффекта, но в скором времени планирую подключить к расследованию столичных криминалистов. Возможно, дело связано с весьма хитроумным ядом, с которым ни мне, ни моим коллегам из местной полиции еще не приходилось сталкиваться. Принцип, по которому убийца выбирает жертв, пока тоже не ясен, но я обязательно докопаюсь до сути.

Похоже, Лорн только недавно начал расследование и еще не имел на меня никаких улик. И все же я была напряжена, хоть всеми силами и пыталась скрыть потрясение. К счастью, сейчас мне было просто выдать его за трепет, подобный тому, что испытывала шокированная рассказом детектива Бри.

– Я надеюсь, вы сможете обезопасить улицы нашего города, мистер Лорн, – как можно спокойнее произнесла я. – Не то напуганная этими жуткими историями матушка никогда не выпустит ни Бри, ни малышку Эмили на вечерний променад.

– А за себя вы, стало быть, не боитесь? – выгнув бровь, поинтересовался он.

– Разумеется, боюсь. Но я уже седьмой год скорблю по мужу, поэтому на вечерних прогулках появляюсь крайне редко и только по особой надобности.

Я проследила за взглядом мужчины, который оценивающе скользнул по моему черному платью, отмечая скромный крой и траурный цвет.

– Простите, баронесса Клайвшот. Я не хотел напомнить столь неприятное событие вашей жизни.

Голос Лорна казался искренним, но я не спешила верить.

Отчего-то мне казалось, что врать этот мужчина умел мастерски, особенно, если ему это было нужным.

– Ничего страшного, – слукавила я. – Вы же не нарочно.

В ответ я заработала виноватую улыбку, слишком располагающую к себе, чтобы я на нее купилась.

– Мы с сестрой пойдем в дом. Матушка уже наверняка переживает, – вежливо намекнула я на окончание разговора. – Спокойной ночи, детектив Лорн.

– Спокойной ночи, леди, – отозвался он.

Склонив голову напоследок, я потащила замешкавшуюся Бри подальше от гостевого дома. Сестрица выглядела растерянно, она даже не сумела выдавить из себя вежливых слов прощания.

Хотя для меня ее реакция оказалась предсказуема – Бриттани всегда была излишне впечатлительной натурой.

Уже на подходе к родному крыльцу сестра ожила:

– Поверить не могу, что где-то в городе живет подобное чудовище!

– Я тоже, – отрешенно поддакнула я, про себя истерически хохоча. Чудовище живет не просто в городе, а под одной крышей с Бри. – Хотя за себя мы можем не опасаться. Ни один убийца не станет нападать на дом, где снимают жилье полицейские.

– Ты как всегда права, Роуз, – всплеснула руками девушка. – Главное, я уверена – детектив Лорн поймает преступника и накажет по всей строгости закона! – голос сестрички стал твердым, будто она уже сейчас мысленно повесила страшного маньяка, предварительно огласив ему смертный приговор. Но она мгновенно растеряла весь боевой запал, едва вспомнила: – Кстати, Роуз, ты заметила, как он на тебя смотрел? Мне кажется, ты ему понравилась...

Я закатила глаза. Вот уж чего-чего, а этого мне только не хватало. Мне бы, наоборот, держаться от Лорна подальше и вести себя с ним осторожнее, ведь каждый промах может стать роковым.

– Тебе показалось, – поспешила я разубедить Бри. – Он просто посочувствовал моей судьбе.

– И все же я думаю, что права, – сестра мечтательно закатила глаза. – Он ведь такой симпатичный. Было бы замечательно, если бы ты нашла с ним общий язык. Он бы сделал тебе предложение. Ты бы выкинула все черные платья и вышла за него замуж. А потом у вас бы родились замечательные дети.

Я с сомнением глянула на сестрицу и даже, не удержавшись, приложила руку к ее лбу, проверяя, не бредит ли она часом.

Жара у Бри не было. Но вот ее мечты мне здоровыми не показались, о чем я тут же поспешила ей сообщить.

– Ну, я же как лучше хочу, – нахмурилась она. – Уже и помечтать нельзя!

Мы подошли к дому, я открыла дверь и пропустила сестру вперед. Свет в холле был потушен, мы тихо прошли в гостиную, чтобы обнаружить матушку мирно дремлющей в кресле. Будить ее не хотелось, но, едва мы попытались пробраться мимо по лестнице, она и сама проснулась, сходу накинувшись с расспросами.

Отвечала в основном Бриттани. Эмоции в ней кипели, она с радостью рассказывала о журналисте, о картинах Мишеля, предусмотрительно умолчав о портрете, и долго щебетала о многочисленных кавалерах.

Матушка одобрительно кивала, про Пикерта до конца вечера никто и не вспоминал, чему я была несказанно рада. Он пришел в нашу жизнь легко, так же легко и ушел.

А через час, утомленная беседой, я отпросилась и ушла спать, чтобы утром проснуться от радостного вопля матушки, получившей картину-подарок от Мишеля.

Я улыбнулась сама себе и вновь рухнула на подушку досыпать. Сегодня у меня планировался напряженный день, наполненный восторженными щебетаниями сестер и матери, а затем весьма продуктивная ночь.

* * *

Едва солнце скрылось за горизонтом, я тут же встала с постели, прислушалась к звукам в доме и убедилась, что все спят.

Весь день матушка и Бри бегали по дому, решая, куда же повесить чудесный портрет, чтобы любой вошедший в дом непременно его заметил. Задача осложнялась тем, что на любом видном месте картина выглядела либо не сильно выигрышно из-за освещения, либо, наоборот, слишком навязчиво, будто крича: посмотрите на меня, похвалите меня!

За суетой эти двое почти забыли, что сегодня вышла газета со статьей о выставке. Зато малышка Эмили вспомнила и, сбегав в газетную лавку, принесла свежий выпуск.

Статья на самом деле мне не слишком понравилась – чересчур сильно журналист восхвалял Бри, превознося ее красоту. У меня даже сложилось впечатление, будто не у художника Лонтье вчера выставка была, а дефиле у Бри.

Сестре я ни в коем случае не завидовала, но статья меня беспокоила. Слишком много внимания не могло не иметь последствий.

С этими мыслями я открыла свой гардероб, раздвинула вешалки привычных черных нарядов и притянула задвинутый к задней стенке чемодан. Щелкнув застежками, открыла и задумчиво всмотрелась в содержимое.

Цветные платья, яркие, нарядные или, наоборот, простые. Днем я никогда их не надевала, ночами же иногда приходилось. Мой маскарад требовал разнообразия в одежде. Идти же к Лонтье в обычном черном платье я опасалась. Это другие мужчины никогда не обращали внимания на одежду, Мишель же наметанным глазом художника всегда подмечал каждую пришитую к подолу розочку.

Я выбрала простой синий наряд, потертый от времени и еще ни разу мною не надетый. Его я купила у торговца подержанным платьем несколько лет назад, к тому времени уже понимая, что ночные вылазки в собственной одежде – это слишком рискованно.

Примерив платье, я осталась недовольна. На моей фигуре оно висело. Мне настоящей не хватало объема в определенных местах для ношения подобного фасона. Пришлось сосредотачиваться и прибегать к первым изменениям уже сейчас.

Идти к Мишелю сразу в образе знойной брюнетки я не хотела. Это был неоправданный риск: кто-то случайно мог заметить столь приметную особу.

В итоге, полностью подгонять фигуру под платье я тоже не стала, ограничилась лишь изменением в плечах и бедрах, чтобы оно не сильно болталось. Покрыв лицо сотней веснушек, я превратила волосы из пшеничных в ржаво-рыжие и, накинув сверху плащ с капюшоном, приготовилась покинуть комнату.

Перед уходом через окно лишний раз убедилась, что двери заперты, и только после этого спрыгнула на мягкую землю в саду.

Ночной воздух был свеж, я шумно втянула его полной грудью, желая убедиться, что ветер не принесет мне лишних запахов. К счастью, все было в порядке. На мгновение я поймала себя на мысли подкрасться к гостевому домику и, наконец, принюхаться к аромату грехов Лорна. Ведь не мог же детектив не пахнуть вообще ничем.

Но я одернула себя, отказавшись от этой дурацкой мысли, и устремилась вперед, к улицам города.

Пройдя пешком несколько кварталов, я поймала извозчика и, назвав адрес Мишеля, спокойно уселась в экипаж. Идти пешком до мастерской художника было бы слишком расточительно по времени и утомительно для ног, не говоря уже о том, что улицы города ночью не всегда безопасны.

Не для меня, разумеется. Но терять время, разбираясь с неудачливыми грабителями или насильниками, мне не хотелось.

Возница быстро довез меня до указанного адреса. Расплатившись, я сошла на мостовую и медленно побрела к заветной двери.

Мое лицо и волосы скрывал капюшон, и, подходя ко входу, я незаметно меняла внешность с рыжей простушки на экзотическую брюнетку.

Этот образ мне нравился, сама не знаю, почему. Каждый раз, оказываясь в нем, мне чудилось, будто я возвращаюсь в родное тело, а та, утренняя Роуз, всего лишь временная оболочка.

В этом роскошном теле мне даже дышалось легче, не говоря уже о том, что я чувствовала себя в нем едва ли не богиней.

Странное, почти эйфорическое ощущение.

Выбросив из головы ненужные сейчас мысли, я постучала в двери мастерской.

Открыли мне почти сразу. На пороге обнаружился всклокоченный Мишель. Едва завидев мою фигуру в плаще, он испустил вздох облегчения, смешанного с радостью, и, отступая на шаг, пригласил внутрь.

– Леди, вы мое спасение, – воскликнул он. – Я уже и не надеялся вас дождаться. Роуз ведь не обещала ничего, просто сказала, что побеседует с вами.

Я сбросила с головы капюшон, показывая лицо, и Мишель ахнул:

– Глазам своим не верю. Когда я описывал типаж образа баронессе, то даже не думал, что можно найти столь точное попадание.

– Благодарю, мистер Лонтье, – немного смущенно ответила я. – Роуз отзывалась о вас, как об очень порядочном человеке, и объяснила, о какого рода заработке идет речь.

Играть уж совсем наивную дурочку мне не хотелось, отчего-то казалось, что Мишелю на картине нужен образ уверенной в себе женщины и соблазнительницы. Поэтому изображать трепетную лань было бы излишне.

– Да, – расплылся в улыбке Мишель. – Заказчик платит весьма хорошие деньги и гарантирует анонимность.

– Тогда перейдем прямо к делу, – я сняла плащ и повесила на ближайшую вешалку. – Мои родители весьма строгих нравов, и мне пришлось убежать через окно, чтобы попасть к вам. Поэтому до рассвета мне необходимо вернуться обратно, а раз так, давайте приступим прямо сейчас.

От моей прыти мужчина слегка растерялся, однако, собравшись, пригласил проследовать за ним.

Будучи Роуз, я не единожды бывала в его мастерской. Просторное помещение, заставленное холстами и мольбертами, с вечно витающим запахом краски в воздухе и ярким светом ламп. Однако сегодня они были приглушены до интимно-тусклого.

– Позировать надо здесь, – Мишель указал на постамент наподобие огромной кровати, задрапированный черным мехом.

– Просто лежать? – подходя к ложу и ощупывая бархатный материал подушек, спросила я.

– Красиво лежать, – поправил меня Лонтье.

Несколько мгновений я раздумывала, как именно расположусь на этом меховом великолепии, другие мысли в голову упорно не приходили.

– Где я могу раздеться? – спросила у художника и, получив кивок в сторону ширмы, прошла за нее.

Пока я снимала платье, еще несколько раз задала себе вопрос, а правильно ли поступаю, соблазняясь деньгами и соглашаясь на портрет? Но эти сомнения я отгоняла одно за другим, словно назойливых мух, и продолжала упорно стягивать сначала корсет с нижней юбкой и лифом, а затем и чулки с трусиками.

Как мужчину, Мишеля я абсолютно не стеснялась. Даже будучи Роуз, я бы сумела раздеться перед ним, не дрогнув ни одним мускулом. Почему-то я не воспринимала его как самца. Для меня художник был другом. А у друзей нет пола.

Выйдя из-за ширмы, я подошла к меху и все же растерялась. Присела на край ткани и замерла.

– Удивительное дело, – заметил Лонтье. – Обычно девушки, которые приходят сюда впервые, боятся меня. В вас же не чувствуется страха перед обнажением, скорее наоборот, вам это нравится. Единственное, что вас смущает, это растерянность перед тем, как именно нужно позировать. Сказывается нехватка опыта.

– Это плохо? – вскинув взгляд, уточнила я, удивляясь проницательности художника.

– Нет, как раз нет. Просто непривычно и странно.

Лонтье подошел ближе и принялся объяснять, как мне лечь. Руками он не касался, лишь направлял, при этом неосознанно переходя на “ты”:

– Нужно прилечь набок. В талии более сильный изгиб. Одну ногу выпрями, вторую, наоборот, немного подтяни. Вот так. Отлично. Замри.

Я даже дышать перестала. Поза была вполне удобной, разве что воздух в мастерской оказался слишком прохладен, отчего кожа начала покрываться мурашками.

Мишель отошел на несколько метров, полюбовался моей обнаженной фигурой издали, а затем принес поднос с маленькими чайными свечами и принялся расставлять их вокруг меня, прямо на черном меху.

– Я хочу, чтобы в твоих глазах отражался огонь, – пояснил он. – Да и сам свет придаст картине пикантности. Ты, главное, сильно не шевелись, иначе воск расплещется прямо на кожу, или того хуже – огонь перекинется на материал.

Удивительное дело, я смотрела на Мишеля и не узнавала его. Привыкла видеть художника радужным, восторженным, но, едва дело коснулось непосредственной работы, он сосредоточился, подобрался, стал серьезен и собран.

Время текло, я все лежала на постаменте. Свечи медленно прогорали, а художник творил. Мишель рисовал быстро: вначале делал набросок, затем наносил легкие мазки. За кропотливое прорисовывание он даже не брался, лишь отмечал на холсте какие-то одному ему ведомые детали.

Объективно я понимала, что за одну ночь он портрет нарисовать не сумеет, а значит, уже завтра мне придется прийти сюда повторно. Возможно, и послезавтра.

Но за час до рассвета Мишель меня удивил:

– Все, можешь идти. Я запомнил твой образ, думаю, через неделю картина будет готова.

– Что значит «все»? И завтра приходить не нужно?

Он отрицательно покачал головой.

– Завтра ты будешь уже другой. С другим настроением, а значит, уже не такая. Люди меняются каждый день, – он говорил уверенно, при этом неотрывно глядя на холст. – Так что твоя работа сделана, можешь одеваться. А я принесу деньги.

Он вышел из мастерской. Пока его не было, я потушила свечи, сжав между пальцами фитиль. Боли при этом не почувствовала.

Уже за ширмой, пока надевала платье, услышала, как Лонтье вернулся. Судя по звукам, он опять смотрел на картину.

– Ты странная, – слышалось мне. – Выглядишь правильной, красивой, почти идеалом. Но портреты никогда не врут, подойди ближе. Быть может, увидишь сама.

Я оправила юбки, надела туфли и вышла.

Было интересно, что же такого удивительного нарисовал Мишель? Приблизившись к холсту, я с любопытством взглянула на полотно. Оттуда на меня смотрела хищница, дикая и необузданная. Брюнетка на полотне была не просто красивой и изящной девушкой, она казалась вальяжной пантерой, прилегшей отдохнуть, но всего одно мгновение – и она встрепнется, чтобы разодрать глотку любому, кто ей не по нраву. Свечи на портрете давали странный эффект, вокруг нарисованной меня сгущалась дьявольски огненная аура, обжигающая, опасная, агрессивная. Даже взгляд девушки с портрета казался ядовитым.

– Мишель, вы уверены, что заказчик захочет получить именно этот образ на картине? – на мгновение усомнилась я, разглядывая столь атмосферное полотно и вновь переходя с художником на «вы». – Быть может, его стоило немного смягчить?

– Уверен, ему понравится, – после недолгого молчания ответил Лонтье и тут же встрепенулся, отвлекаясь от собственных мыслей: – Вот ваши деньги!

Он протянул мне конверт, который я не преминула забрать.

– Спасибо, – поблагодарила, сжимая пухлый сверток.

Мысленно я уже расплачивалась этой суммой по многочисленным счетам матери и придумывала легенду о богатом поклоннике Бри, который решил анонимно помочь нашей семье.

Мастерскую Мишеля я покинула за час до рассвета, но вот в пойманный экипаж села с просыпающимся чувством легкого голода.

Сейчас он меня не слишком беспокоил, но я знала: уже завтра к ночи мне придется выйти на очередную охоту. Слишком часто за последние дни я пользовалась своей силой, расходуя ценную энергию, но иного выхода у меня не было. Все превращения являлись вынужденной мерой, а голод меж тем подступал. Запахи становились ярче, и я ощущала ароматы даже легких грехов случайных прохожих, но продолжала упрямо идти к дому.

После восхода солнца голод притупится ровно до его заката.

Я пробралась в сад и тихо брела меж ветвей раскидистых кустов. Первые лучи рассвета уже забрезжили, и я впервые кляла себя за нерасторопность и опоздание. Внешность вернулась в обычное состояние, а неподходящее по размеру платье почти мгновенно стало огромным и принялось болтаться по земле подолом.

На этот раз чертыхалась я вслух, но тихо. Будучи в своем привычном теле, на окно второго этажа я бы точно забраться не сумела. Мое тело было слишком слабым для таких физических нагрузок, в отличие от ночного амплуа. Понимая, что теперь мой путь лежит исключительно через первый этаж дома, я побрела к черному ходу, заодно решая, как буду пробираться мимо спален матери и сестер, а после вскрывать заколкой запертую изнутри дверь собственной комнаты.

Выходило, что действовать придется очень и очень тихо. Уже дойдя до заветной двери, я приготовилась надавить на ручку, как почувствовала спиной чей-то взгляд.

Я резко обернулась, благодаря провидение, что на мне сейчас родная внешность.

Позади на тропинке сада стоял Лорн, обнаженный по пояс. Я невольно залюбовалась его телом: мускулистый, подтянутый, излишне красивый, будто внешние недостатки отсутствовали в нем совершенно. Его кожу покрывали капельки пота, выдавая, что детектив совершал утреннюю пробежку, когда наткнулся на меня.

К слову, матушка никогда не запрещала постояльцам гулять по саду, а вот я не рассчитывала встретить Лорна столь ранним утром, тем более в таком виде.

Проклиная себя за неосторожность, я выдавила растерянную улыбку.

– Вы весьма умело прикидываетесь днем порядочной вдовой, – заметил мужчина. – Не поделитесь, куда ходили?

Его взгляд блуждал в полах моего темного плаща, из-под которых выбивался низ синего платья. Я нервно сглотнула и сильнее запахнулась. Пока на мне была накидка, Лорн не мог видеть, что наряд мне велик, а значит, оставалась возможность избежать лишних вопросов и придумать достоверную легенду.

– Это абсолютно не ваше дело, куда я хожу, – огрызнулась я, глядя полицейскому в лицо.

– Или к кому? – изогнув бровь, он коварно усмехнулся.

– Намекаете на любовника? – не то чтобы я оскорбилась, но рявкнула весьма агрессивно, про себя отмечая не столь плохую идею выдумать мифического воздыхателя.

– Заметьте, про любовника сказал не я, а вы, – скрестив на груди руки, он подошел ближе. – Хотя, признаться, я сразу догадался, что вы не столь просты, как хотите всем казаться. Слишком уверенный и вызывающий у вас взгляд для той, кто решил похоронить себя под трауром по старику-мужу.

– Решили прочесть мне мораль по поводу неблагопристойного образа жизни? – я скопировала позу, точно так же скрестив руки, и с вызовом взглянула ему в глаза.

Лорн наклонил голову набок и с интересом наблюдал, словно изучая экзотического зверька. Наверное, он думал, я буду смущена тем, что он подловил меня, но я ринулась в бой.

– Кто я такой, чтобы рассказывать вам о правилах этикета и учить морали? Скорее, наоборот, я – последний, кто мог бы это делать! – в его голосе мелькнули странные ноты затаенной грусти, которые, впрочем, были очень тщательно скрыты за ехидством.

Я же не могла этого не отметить и сделала шаг вперед, оказываясь чересчур близко.

– Последний? – я выгнула бровь, почти шипя ему в лицо. Смотрела с вызовом, играя при этом женщину оскорбленную, пойманную на горячем. Пусть думает, что это мой способ защиты, такое наглое и глупое нападение. – Почему же последний?

– Потому что я сам не безгрешен, – улыбка исчезла с лица детектива. От ехидства не осталось и следа. – Мне нравится, что вы не оправдываетесь, что завели любовника. Скорее, я рад этому. Ведь вы тоже имеет право быть по-своему счастливы. Я по-человечески за вас рад, баронесса.

Последнюю фразу детектив произнес слишком тихо, я едва расслышала ее, прежде чем Лорн отступил назад. Нет, не сдаваясь под моим напором, а просто показывая, что разговор окончен.

Признаться, своей неожиданной победе я была не рада – слишком легкой она мне показалась. И, наблюдая, как Лорн бежит по дорожке сада, завершая утреннюю зарядку, я истуканом стояла у дверей черного хода.

Запоздало до меня дошло, как же сильно я рисковала, и как мне в действительности повезло опоздать и попасть под свет солнца за пять минут до этой непредвиденной встречи. Ведь обычно я возвращалась заранее через окно на втором этаже, запрыгивала на подоконник, словно кошка, предварительно подтягиваясь на кованом карнизе. Меня бросило в дрожь, едва представила, что было бы, увидь меня Лорн в образе знойной брюнетки. И как бы я ему это объясняла? И объясняла ли вообще? Вдруг бы он поднял шум, решив, что кто-то грабит дом, и позвал полицейских?

Проглотив комок страха в горле, я вздохнула. Мне нельзя было думать об этом. Не случилось – и слава богу, впредь буду в сотню раз осторожнее и не попадусь так глупо.

Скользнув в дом, я сняла туфли и, стараясь не скрипеть половицами, двинулась на второй этаж. Успешно миновала лестницу, прошмыгнула мимо спальни матери, откуда доносился тихий храп. Очень долго ковырялась в замке собственной комнаты: сказывалось волнение и дрожь в руках. Но едва преграда

была повержена и я оказалась в родных пенатах, силы покинули меня. Ноги подкосились, и я буквально рухнула на пол, прислоняясь спиной к стене.

Нервы все же сдали, и я тихо всхлипнула, впервые за долгие годы позволив себе подобную слабость.

Какие-то силы свыше явно берегли меня, иначе не объяснить сегодняшнее везение, ведь еще никогда я не была так близка к провалу.

Самое ужасное, что я понимала, завтра будет еще хуже. В сложившейся ситуации мне бы притихнуть, затаиться и не выходить на охоту как минимум месяца два-три. Но голод... Голод не позволит мне такой непозволительной роскоши.

Пальцы задрожали. Мелкий тремор отбивал чечетку на полу, где лежали руки, а я вспомнила, как пять лет назад впервые довела себя до изнеможения.

Своим первым убийством я справедливо считала смерть бывшего мужа. Пускай его тело и не было похоже на те высушенные трупы, что я оставляла после себя позже, но все равно считала тот миг началом, когда во мне пробудился монстр. Целый год после этого маленькая девочка Роззи считала себя сломанной куклой, которой попользовались и выбросили. Родственники мужа прибрали к рукам наследство, выделив мне лишь жалкие крохи пособия, заставили облачиться в черный наряд и отправили обратно к матери. И если вначале я сучала и плакала по ярким платьям, то вскоре поняла, что траур – это моя защита, моя крепость, где я нахожусь в безопасности.

Никому не была интересна несчастная, носящая мрачные тряпки. А через год, когда я решила наедине с собой надеть старое красное платье, произошло первое превращение. Стоя у зеркала, я сделалась иной. Мое лицо не было красивым в тот момент, я вообще плохо помню, кем была: брюнеткой или блондинкой. Меня направлял лишь Голод. Я сбежала и долго блуждала по улицам, пока не почувствовала запах хорошо прожаренного стейка. Волшебный аромат вел меня, будто путеводный компас, между улочек и подворотен, и я шла, влекомая им, пока не забрела в тупик.

Там стоял он. Выглядел прилично: дорогая одежда, шляпа-котелок, трость с серебряным набалдашником... Но лучше всего я запомнила его губы, которыми

он впивался в почти бессознательную девушку, лежащую под ним с задранном платьем. А дальше провал, я лишь помнила, как после вытирала с рук его кровь о свое красное платье.

Очнувшись утром, я чувствовала себя наилучшим образом. Полной сил и энергии, счастливой, как никогда раньше, и, лишь увидев следы запекшейся крови под ногтями и испорченный наряд, смертельно испугалась. Долго отмывала с тела улики преступления, а после разрезала грязную одежду на лоскуты и сжигала клочок за клочком на заднем дворе с садовым мусором. В газетах так и не появилось ни слова об инциденте, словно и не было ничего той ночью, но я не забывала об этом никогда.

Примерно через полгода я вновь почувствовала приближение Жажды чужой жизни. Это пугало меня, я вновь боялась превращения в монстра и тех поступков, что делаю, будучи им. И я держалась до последнего. Заставляла себя сидеть в комнате, не поддаваться влечению и не сбегать.

Вначале мне было плохо только вечерами, а после состояние стало появляться днем. У меня начался жар, а следом тут же знобило, я не могла есть обычную еду и даже воду пила с трудом. Все, о чем могла думать, это о Голоде и запахах, которых вокруг стало превеликое множество.

Я даже рассказала матери о них, но она, испугавшись, что у меня начался бред, вызвала лекаря. Пожилой врач пах засохшими апельсиновыми корками, такими, что кладут в шкаф от моли. Абсолютно не аппетитно, но Голод звал. И той же ночью я сорвалась.

Новое неконтролируемое превращение – и вновь я сбежала. На этот раз крови на руках не было, но следующим днем я прочла в городской газете о страшном массовом убийстве – в одной из таверн обнаружили четыре мужских иссушенных трупа. Подробностей убийства не указывали, но я знала, чьих это рук дело. Тем более что уже с утра мое здоровье пошло на поправку.

Я сделала из того случая выводы. Полностью контролировать свой дар или проклятье я не могу, но судьба давала мне шанс разобраться с его особенностями и научиться с ним жить. За несколько лет я сумела понять, что означают запахи, о чем говорит их интенсивность, а еще осознать, что питаюсь я чужими жизнями, непрожитыми годами подонков, временем, которое выпиваю

из них.

Если не изменять внешность и не использовать полученную энергию, то одного убийцы или насильника мне хватало на полгода тихой жизни. Если же я изволила шалить, то и месяца оказывалось мало.

Теперь же, понимая, что из-за слежки за Пикертом и позирования Мишелю я потратила слишком много драгоценного ресурса, я кляла себя за расточительность. Проживая по соседству с Лорном, я и так ходила по лезвию ножа. Завтра мне придется обязательно улизнуть из дома, найти новую жертву, оставить после себя очередной труп подонка и только потом затаиться. Быть может, полугода тишины хватит, чтобы расследование столичного детектива признали неудавшимся и свернули за нехваткой улик.

С этими мыслями я встала с пола, переоделась и легла в холодную постель. Мне следовало доспать оставшееся утреннее время, а днем заняться не менее важными делами, для чего отправиться в город.

Сегодня я собиралась избавиться от одной отягощающей вещи, которая грызла мою совесть – обручального кольца Бриттани, что всучил ее женишок, желая откупиться. Я планировала заложить украшение в ломбарде без права выкупа, а вырученные деньги пустить на оплату счетов. Хоть какой-то толк будет от Оливера Пикерта.

* * *

Ювелир недовольно покрутил перстень вправо-влево, придиричливо вглядываясь через увеличительное стекло в грани камня, а после недовольно цокнул:

– Пятнадцать медяков!

– Сколько?! – я сама не узнала свой голос от потрясения.

Сумма, названная мужчиной, была просто смехотворной, кофе в забегах стоил дороже. – Но ведь камень...

– Стекло, – одернул меня ростовщик, не давая закончить фразу. – Сам материал кольца – латунь, покрытая золотой краской. Ваше кольцо – подделка, хотя и выполнена весьма аккуратно! Собственно, поэтому я и предлагаю вам хоть какие-то деньги, будь украшение еще и безобразным, лично бы выбросил эту пошлость в помойное ведро.

Говорил ювелир четко, уверенно, правдиво. Но я отчего-то решила, что меня пытаются надуть. Выхватила из рук у мужчины кольцо и с гордостью вышла из его лавки, правда, тут же направившись в конкурирующую с ним контору.

А затем в еще одну, и еще...

Везде я слышала одно – стекло, латунь, подделка. Радовало хотя бы то, что надо мной никто не смеялся. Наоборот, все ростовщики на меня смотрели с сочувствием. Наверное, глядя на мое потерянное выражение лица, они сразу представляли грустную историю, как бедняжка по глупости приобрела эту финтифлюшку за огромные деньги и теперь узнает истинную правду о цене изделия.

Я рычала и бесилась. Нет, мне не было жаль денег, которых я не получила. Было жаль Бри, которую оценили кольцом за пятнадцать медяков. Проклиная Пикерта, я уже пожалела, что отпустила его так просто из города. Нужно было переломать ему предварительно все пальцы и начать с безымянного. И то, этого было бы недостаточно за унижение, которое он приготовил для моей сестры.

Даже скряга и мерзавец Вивальд подарил мне на свадьбу тонкий золотой ободок с розовым камушком. Ему, аристократу, было стыдно оставлять меня без достойного кольца. И неважно, что этот подарок я потом зарыла в его же могилу, факт оставался фактом.

Пикерт собирался вручить Бриттани на помолвку кусок стекла и металла. Неслыханное оскорбление!

Интересно, что бы он придумал, когда у Бри проявились бы симптомы аллергии на латунь, вряд ли поспешил бы сознаться.

Я почти бежала по мостовой, гневно стуча каблуками и продолжая сжимать в руках дурацкое украшение, а едва дошла до городского моста, не выдержала и, замахнувшись изо всех сил, отправила этот кусок семейного позора в реку.

Колечко описало красивую дугу и кануло в темные воды Темзы. На душе сразу стало капельку легче.

– Потрясающий бросок, – раздалось позади. – Удивительная сила и техника метания, метров пятьдесят пролетело.

Я резко обернулась, встретившись взглядом с детективом Лорном. Его голос я узнала сразу, но вот что полицейский тут делает?

– Вы следили за мной? – плохо сдерживая эмоции, взвизгнула я, в уме прикидывая, как давно он мог за мной идти и что видел.

– Бросьте, – следователь небрежно отмахнулся и подошел к кованым перилам моста, чтобы опереться на парапет, широко расставляя руки и глядя вдаль.

Я невольно скользнула оценивающим взглядом по его мощной фигуре, которую так выгодно подчеркивал черный костюм, выглаженный по идеальным стрелкам, и мгновенно отвела взгляд. Лорн для меня враг, нашла на кого любоваться.

– Я всего лишь выходил из участка, когда вы пронеслись мимо, словно фурия, едва не сбив меня, и даже не удосужились узнать. После такого я просто не мог не пойти за вами и не узнать о причинах столь бурного настроения. Быть может, вам требуется помощь?

Слово «фурия» больно резануло мой слух.

– Ничего не требуется, – огрызнулась я, с облегчением понимая, что участок миновала от силы минуты две назад и действительно зацепила там чью-то фигуру. Но состояние было настолько взвинченным, что я даже не заметила это. – Спасибо за заботу, детектив Лорн, но я, пожалуй, пойду по своим делам.

Изобразив легкий реверанс, я невозмутимо развернулась и двинулась дальше по улице.

Меня тут же догнали. Отпустить мою скромную персону Лорн явно не собирался.

– Баронесса, могу я пригласить вас на чашку кофе? – спросил он, а я от шока столбом встала, ноги отказались двигаться, а идущий за мной незнакомый мужчина едва не врезался в меня.

– Что? – ошарашенно выдохнула я, не веря своим ушам. – Кофе?

– А что в этом удивительно? – Лорн смотрел на меня вполне приветливо, даже улыбался. – Нет ничего плохого, если мужчина пригласит женщину выпить чашечку ароматного напитка в людном кафетерии днем.

– Не женщину, а вдову, – уточнила я, все еще приходя в себя.

– Насколько помню, вдовы тоже пьют кофе, – все так же улыбаясь, пошутил он. – А заодно, быть может, сумеют рассказать, кто же их так обидел, что они носятся по городу и выбрасывают в реку кольца.

Воздух в моей груди застыл и перестал циркулировать. Как дышать, я тоже забыла. Вот за какие заслуги судьба послала мне такого глазастого недруга, что он даже летящую в воду побрякушку сумел разглядеть?

Я шумно и с усилием выдохнула. Медленно, считая в голове числа и пытаюсь взять себя в руки, чтобы успокоиться.

– Ну, право, миссис Клайвшот, – продолжал уговоры полицейский. – Сегодня утром я стал свидетелем вашего возвращения домой не в самом идеальном расположении духа, а сейчас вы выбросили кольцо. Налицо явные признаки расстройства из-за мужчины. Так позвольте же хоть немного поднять вам настроение и угостить если не кофе, то хотя бы пирожным!

Я закатила глаза. Со стороны, наверное, это смотрелось крайне неприлично, но сдержаться, увы, я не смогла. Во-первых, поняла, что проще согласиться, во-вторых, пирожное – это запрещенный прием.

– Хорошо, – сдалась я. – Но только одну чашечку! У меня сегодня еще много дел в городе, как, наверняка, и у вас, детектив Лорн!

Рядом с мужчиной я чувствовала себя неловко, а уж когда мы зашли в тихую уютную кофейню, и вовсе растерялась.

До меня вдруг неожиданно дошло, что впервые в жизни я буду сидеть наедине с симпатичным мужчиной, почти как нормальная девушка на свидании. О чем принято говорить в таких ситуациях, я тоже не представляла. Поэтому неудивительно, что, усаживаясь на заботливо отодвинутый Ричардом стул, сделала это с абсолютно прямой спиной, словно механическая кукла с плохо гнущимся телом.

– Вы слишком напряжены...

Лорн присел напротив и с интересом изучал, как я комкаю верх сумочки и плотно сжимаю губы, едва ли не закусывая их зубами с обратной стороны.

Мне и самой было неловко за подобную реакцию, она была абсолютно не характерна для всегда собранной меня. Так откуда же взялись эти стыд и стеснение?

– Непривычное место и непривычная компания, – ответила я сама себе и заодно ему. – Как вы могли догадаться, я не часто общаюсь с мужчинами в кафетериях!

– Тем ценнее, что вы пошли на этот поступок ради меня.

Он подозвал официанта и, указав в меню несколько позиций, тут же его отпустил.

Я удивленно проследила за его действиями. А как же предложить даме самой выбрать? Разумеется, я бы ничего не заказывала, но правила приличия никто не отменял.

– У вас удивительное лицо, Розалинда, – мужчина расслабленно откинулся на спинку стула. – Иногда вас легко прочесть, как сейчас, например. Вы задаетесь вопросом, почему вам не предложили меню, но ответ на него прост: я знаю, что вы откажетесь и закажете лишь воду. Поэтому сделал заказ за вас.

Мое лицо вспыхнуло от возмущения. Да, я бы так и поступила, но ведь это не значит, что он имеет право решать за меня.

– Весьма невежливо с вашей стороны, – как можно тише проговорила я, стараясь не шипеть.

– А иногда вы непроницаемы, – словно не услышав предыдущей реплики, продолжил Ричард. – Обычно я легко разгадываю людей, но в вашем случае чувствую какую-то неправильность, которую еще не могу объяснить. Но обязательно пойму, в чем дело...

Я сощурила глаза. Было впору испугаться, ведь он почти открыто угрожал присмотреться ко мне, но вместо этого я решила испортить игру Лорну.

– Быть может, разгадка гораздо банальнее? – усмехнулась я. – И дело в том, что я вам попросту нравлюсь?

– Мне нравятся многие женщины, – он был невозмутим, и все же я почувствовала в нем слабину.

Вряд ли связанную со мной, но что-то иное давало мне возможность зацепиться за эту тему.

– Других женщин вы понимаете. У вас наверняка огромный опыт в общении со слабым полом. Уверена, многие влюблялись в вашу идеальную внешность, а вы с успехом разбивали им сердце. Вы ведь привыкли, что с женщинами легко, а мои поступки если и способны понять, то не до конца.

В этот момент принесли заказ. Официант поставил передо мной шоколадно-бисквитное пирожное и чашку ароматного кофе. Перед детективом возник классический черный чай и тарелка с тостами.

Вполне ожидаемый выбор для мужчины, и все же сладкое меня обрадовало. Я с удовольствием вонзила ложечку в десерт и, лишь попробовав лакомство, продолжила:

– Безусловно, с выбором пирожного вы угадали. Существует очень мало девушек и женщин, равнодушных к шоколаду.

– А равнодушных к мужчинам? – собеседник поднес ко рту чашку, пряча за ней выражение губ.

– Если вы намекаете на меня, то к мужчинам я не равнодушна. Как раз наоборот.

– Но вы не замужем.

– Я там была, мне не понравилось.

Еще одна ложечка десерта растаяла на моем языке.

– Предположим, ваш брак действительно не самый приятный факт биографии, – согласился Лорн. – Но ведь вам предлагали руку и сердце другие мужчины. Констебль Буллет рассказывал о сватовстве к вам многих достойных аристократов.

Мне пришлось состроить самое скорбное выражение лица из всех возможных.

– Быть может, Сэм забыл упомянуть, чем закончились все эти попытки? Я больна, мистер Лорн. Первый брак нанес мне тяжелейшую душевную травму, теперь я и помыслить не могу об отношениях с женщиной.

Выражение лица детектива явственно говорило, что мне ни на йоту не поверили.

– Бросьте, – он стал серьезным и наклонился вперед, чтобы как можно тише прошептать: – Вначале я поверил этим рассказам, но ваш сегодняшний ночной поход заставил меня усомниться. Да и все ваше поведение говорит об обратном. Мужчин вы не боитесь, иначе не пошли бы бог весть куда, после заката, в одиночку. Да и ваш цветной наряд говорил сам за себя.

– И что же он говорил? – усмехнулась я, наклоняясь так же близко и с вызовом глядя в его зеленые глаза.

Мне вдруг стало любопытно, что детектив надумал и каких гипотез понастроил. Да и сама ситуация неожиданно начала меня развлекать. Здесь не я жертва, и не Лорн – охотник. А если начнет рыть слишком глубоко, то в один день мне придется поступиться принципами и свернуть чью-то весьма красивую и мужественную шею.

– Так о чем вам рассказало мое платье? – выдохнула я вопрос ему в губы.

– Вам было для кого наряжаться, – моя выходка Лорна ничуть не смутила, он скорее воспринял ее за забавное проявление флирта.

Я усмехнулась, не желая разубеждать Лорна в его неправоте.

– Вы так говорите, детектив, будто завидуете этому счастливчику, – незаметно я втягивала в себя его аромат.

Мужской парфюм, смешанный с чем-то неуловимо пикантным, пряным, похожим на гвоздику в сочетании с имбирем.

– Завидую? – Лорн не спешил отстраняться, наоборот, на его губах играла заинтересованная усмешка. – Зачем завидовать тому, чье кольцо выбрасывают в реку?

Не знаю, как я не расхохоталась ему в лицо, но выводы Лорна меня смешили. Особенно эти «гениальные логические цепочки». Если это лучший столичный детектив, то расследование убийств рискует зайти в тупик гораздо раньше, чем я рассчитывала. Что, в принципе, неплохо!

И все же, кое на какие мысли поведение Лорна меня натолкнуло. Чтобы быть в курсе продвижения дел в участке, мне нужно с детективом сблизиться. Тем более что сам Ричард явно не против.

«Держи друзей близко, а врагов еще ближе», – вспомнилась старая пословица, весьма подходящая к случаю. Мне нужно очаровать Лорна, втереться к нему в доверие. Это станет неплохим решением проблемы. Все же убивать мужчину мне не хотелось, а обман не казался чем-то ужасающим.

– А я смотрю, детектив Лорн, вы любите играть, – пользуясь близостью его лица, я, чуть царапая ногтем, провела пальцем по гладко выбритой щеке. Зрачки в зеленых глазах мужчины расширились, а дыхание стало шумным. – Что же, давайте поиграем! Разгадайте меня, Ричард!

Я резко отстранилась и, все так же сохраняя на лице уверенную улыбку, встала из-за стола. Если перед детективом уже не было смысла играть несчастную вдову, то этим нужно пользоваться. Пусть видит перед собой женщину уверенную, опытную, не стесняющуюся своих желаний, бросающую ему вызов и задевающую самолюбие.

Бри была права, я ему нравилась. Мой чуткий нос не мог не уловить запаха мужского желания, а значит, брошенные зерна падали на благодатную почву. Мое поведение обязательно зацепит Лорна, а дальше дело техники. Правда, еще незнакомой для меня техники поддерживать отношения с мужчиной, а не убивать его.

И все же я была уверена, что справлюсь.

– Спасибо за отличную компанию и десерт, господин Лорн, – глядя на детектива сверху вниз, проворковала я. – Было приятно провести с вами время.

Пока мужчина не опомнился, я грациозно развернулась на каблуках и с видом, полным достоинства, вышла из кафе. На этот раз Ричард за мной не пошел, я видела, как он смотрит мне вслед, сидя у столика за окном. И это меня несказанно радовало.

Поймав извозчика, я отправилась в банк. Там долго возилась с бумагами, совершая анонимный денежный перевод на имя Бриттани. Банковский работник смотрел на меня со странным выражением лица, пока проводил столь необычную операцию. Пришлось очаровательно улыбнуться и соврать:

– У сестры скоро праздник, я хочу, чтобы деньги оказались для нее сюрпризом.

Я не боялась, что он кому-то может рассказать. Все же мы находились в отдельной кабинке, и посторонние увидеть нас не могли, а банковские операции представляли коммерческую тайну для третьих лиц. Даже полиции без специального ордера не узнать, что именно я делала в банке.

Вернувшись домой, остаток вечера я провела в тишине и покое. Бри и Эмили занимались чем-то в саду, а матушка решила посетить одну из своих многочисленных подруг, я же воспользовалась редким моментом одиночества и отдыхала с книгой в библиотеке.

Когда до заката оставался час, я захлопнула том и вышла из читальни. Теперь покидать ночами дом для меня будет сложнее, а значит, следовало сменить тактику. Сегодня бежать через окно я не собиралась.

Вместо этого я вышла в сад и обратилась к собирающей мольберт и краски Эмили:

– Я, пожалуй, пройду по городу, дойду до ночной аптеки на набережной. Пока сидела в библиотеке, у меня разболелась голова.

Младшая сестра с сомнением глянула на меня, морщащуюся от мифической боли.

– Роуз, а не слишком ли поздно? Разве дома нет микстуры?

Я недовольно покачала головой. Микстуры, разумеется, не было, ее остатки я вылила в раковину перед тем, как пойти в библиотеку.

Сестру поддержала Бриттани.

– Матушка будет недовольна, если вернется, а тебя нет дома. Да и ночь на дворе, не лучшее время для прогулки.

Я лишь отмахнулась от сестрицы.

– Бри, с каких пор ты стала такой занудой? – я устало потерла якобы болящие виски. – Ты прекрасно знаешь, что матушка от миссис Клаудии никогда не возвращается раньше полуночи. Я же прогуляюсь, куплю лекарство и сразу вернусь.

Бри насупилась: она бы хотела напроситься вместе со мной, но боялась гнева матушки. Я же, будучи вдовой, могла себе позволить подобные вольности.

– Обещаю, что буду идти только по людной набережной, – соврала я сестрам, чтобы не беспокоились. – И постараюсь побыстрее.

– До ночной аптеки и обратно полтора часа ходу, – буркнула Эми. – Тебе проще и безопаснее нанять экипаж.

– Не хочу трястись в карете, и так голова будто в тумане, еще укачает ненароком, – вздохнула я и вернулась в дом.

Мне нужно было взять с собой плащ и сумочку. На самом деле, ни в какую аптеку я не собиралась, а вот слегка не дойти до набережной и забрести в портовый городок, где обретались матросы и шлюхи, где царили хаос и беспорядок, – в мои планы входило. Там было проще всего найти подходящего мужчину, который утолит мой Голод.

Правда, на этот раз спать со своей жертвой я не собиралась, времени и так в обрез. Сегодня придется питаться по ускоренному сценарию.

Я вышла за пределы поместья, прикрыв за собой створки ворот, и двинулась вперед по улице, но вскоре свернула в узкий проулок, чтобы сократить путь. Затем долго петляла меж домов, пока не вышла на один из центральных проспектов городка. Недолгое время шла по нему, любясь витринами еще не закрывшихся кофеен и ресторанов. С каждой минутой я ощущала приближение ночи, которой уступали свои позиции сумерки. Все явственнее чувствовались запахи, и я спешила туда, откуда тянулись самые соблазнительные из них.

Я плотнее укуталась в плащ и скрыла лицо капюшоном – менять внешность сейчас не хотела, под капюшоном всегда успею это сделать, а вот энергию беречь было нужно.

Впереди уже маячили первые здания портового городка, когда кто-то с силой дернул меня за локоть и потянул в ближайшую подворотню. Я пискнула больше от неожиданности, чем от истинного испуга, но мне тут же заткнули рот дурно пахнущей мозолистой рукой. Подумать только, меня поймал какой-то мерзавец и теперь тащил творить свои мерзкие дела. Хохоча в душе от столь смешной для

себя ситуации, я, ради соответствия обстановке, даже побрыкалась и попыталась отбиться. Мне, правда, тут же больно ткнули кулаком в бок.

– Не дергайся, сучка, иначе подправлю личико, – и даже ножом перед лицом помахали.

Зато я разглядела своего обидчика. Типичный бандит. От него разило алкоголем, виноградом и перцем – запахи грабителей и любителей развлекаться с доступными девицами.

Дергаться я и в самом деле перестала, мне было даже любопытно, что произойдет дальше. Раньше на меня столь открыто нападать никто не решался. В то же время, это было даже хорошо. Жертва сама нашла своего убийцу.

Бандит швырнул меня к стене, прижимая к холодной кладке, и, приставив к горлу нож, потребовал:

– Хочешь жить?

Я испуганно кивнула. Жить очень хотелось, а кушать – еще больше.

– Умница, – гоготнул он, щекоча лезвием мою шею. – Значит, сейчас отдашь мне кошелек и поднимешь юбку. Расставишь ножки пошире, и мы с тобой развлечемся.

«Да-да! Развлечемся!» – почти пели мысли в моей голове.

На деле же я всхлипнула и дрожащими руками отдала бандюге ридикюль.

– Какая покладистая сучка.

Кончик лезвия коснулся моей брови и стал медленно спускаться вниз по щеке. Сильно дергаться сейчас я все же побоялась, этот идиот мог ненароком меня порезать, но вот натурально всхлипывать не забывала.

– А теперь молча задирай юбку и только попробуй пискнуть. Прикончу.

Он блефовал. Передо мной стоял не убийца. Ранить мог, избить тоже, но убивать бы не стал. Я послушно начала поднимать полы платья, пальцы дрожали, правда, не от волнения, а от жажды, что бесновалась внутри. Единственное, что беспокоило, – это то, что я не успела изменить лицо до того, как была поймана. А значит, из этой подворотни подонок живым не выйдет точно, ему я не оставлю даже нескольких часов до рассвета.

За этими сладостными мыслями я даже глаза поплотнее зажмурила, уж слишком предвкушающий у меня был взгляд.

Однако грабитель воспринял это за очередное проявление испуга и лишь шумно сопел мне в лицо, издавая невнятные, но довольные звуки, пока извлекал свое орудие из штанов.

Внезапный грохот заставил меня распахнуть глаза. Ощущение близости чужого тела пропало, так же как и кончик лезвия. Кто-то забрал у меня добычу и теперь пинал ее ногами в метре от стены. Я видела лишь фигуру своего «спасителя» и с ужасом узнала в ней детектива Лорна.

Всхлипнула. Громко.

Еще раз всхлипнула. Но не от радости, что меня благородно спасли от насильника, а от досады, что забрали еду буквально изо рта.

Вопросами, как этот полицейский тут оказался, я пока не задавалась. Голоду было не до этого, а вот рыдала я уже естественно, натурально, не притворяясь!

Закончив избивать гада, Лорн защелкнул наручники за его спиной и бросился ко мне.

– Ну, тише-тише, – принялся он утешать меня, справедливо полагая, что началась истерика. – Все хорошо, я успел. Вас больше никто не тронет.

Кажется, он гладил меня по волосам и, прижимая к груди, пытался убаюкать. Я же могла только смотреть сквозь слезы на скрученного грабителя и мысленно

облизываться. В довершение всего, сам Лорн стал пахнуть чересчур, просто одуряюще вкусно. Какими бы грехами ни были незнакомые для меня гвоздика и имбирь, но уж очень захотелось их вкусить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soul_adam/aromat-grehov-tvoih

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)